

K 14

БЪТЪ

Издание Общества Взаимопомощи Студентовъ
Донскихъ Казаковъ во Франціи.

**ОБЩЕСТВО ВЗАИМОПОМОЩИ СТУДЕНТОВЪ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ
ВО ФРАНЦИИ.**

КАЗАЧІЙ БЫТЪ

Литературный сборникъ.

ПАРИЖЪ 1925.

ОТЪ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ ОБЩЕСТВА ВЗАИМОПОМОЩИ СТУДЕНТОВЪ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ ВО ФРАНЦІИ.

Мысль объ изданіи литературнаго сборника «КАЗАЧІЙ БЫТЪ» возникла въ обществѣ уже давно: предполагался выпускъ брошюры силами и средствами однихъ студентовъ.

Нашей основной цѣлью было — собрать матеріалы бытового характера, которые дали бы читателямъ-казакамъ пріятныя воспоминанія о родныхъ краяхъ, а не-казакамъ — возможность нѣсколько ближе подойти къ казаку.

Ничто такъ не радуешь и не согреваетъ казаковъ въ тоскливой повседневности изгнанія, какъ дорогія воспоминанія о Родныхъ Краяхъ. Тутъ мы все едины и близки другъ другу.

Нашъ призывъ о присылкѣ матеріала для сборника нашелъ широкій откликъ. Разказы, воспоминанія, стихотворенія, присланные казаками изъ всехъ странъ свѣта, составили настолько большой матеріалъ, что О-во получило надежду не ограничиться выпускомъ одного сборника.

Студенты-казаки, принося свою искреннюю благодарность всеѣмъ лицамъ, способствовавшимъ появленію сборника, будутъ рады считать свою цѣль достигнутой, если настоящая книга дастъ читателямъ, хотя на время, радость воспоминанія, перенесетъ ихъ къ милому далекому Родному Краю и согреетъ душу.

РОДИМЫЙ КРАЙ.

(стихотвореніе въ прозѣ).

Родимый Край... Какъ ласка матери, какъ нѣжный зовъ ея надъ колыбелью, тепломъ и радостью трепещеть въ сердцѣ волшебный звукъ знакомыхъ словъ.

Чуть таетъ тихій свѣтъ зари, звенить сверчекъ подъ лавкой въ уголкѣ, изъ серебра узоръ чеканить въ окошкѣ мѣсяцъ молодой... Укропомъ пахнетъ съ огорода... Родимый край...

Кресты родныхъ моихъ могилъ, и надъ левадой дымъ кизичный и пятна бѣлыхъ куреней въ зеленой рамѣ рошъ вербовыхъ, гумно съ бурбюющей соломой и журавель, застывшій въ думѣ, — волнуеть сердце мнѣ сильнѣй всѣхъ дивныхъ странъ за дальними морями, гдѣ красота природы и искусство создали міръ очарованій.

Тебя люблю, Родимый край...

И тихихъ водъ твоихъ осоку и серебро песчаныхъ косъ, плачь чибиса въ кугѣ зеленой, пѣснь хороводовъ на зарѣ, и въ праздникъ шумъ станичнаго майдана, и старый милый Донъ — не промѣняю ни на что...

Родимый край...

Напѣвъ протяжный пѣсенъ старины, тоска и удалъ, красота разлуки и грусть безбрежная — щемять мнѣ сердце сладкой болью печали, невыразимо близкой и родной...

Молчаніе мудрое сѣдыхъ кургановъ и въ небѣ клеточъ сизаго орла, въ жемчужномъ маревѣ видѣнья зинунныхъ рыцарей былыхъ, полившихъ кровью молодецкой, усѣявшихъ казацкими костями просторъ зеленый и родной... не ты ли это, Родимый край?

Во дни безвременья, въ годину смутную развала и паденья духа, я, ненавидя и любя, слезами горькими оплакивалъ тебя, мой Край Родной...

Но все же вѣрилъ, все же ждалъ; за дѣдовскій завѣтъ и за родной свой уголь, за честь казачества взметнетъ волну нашъ Донъ сѣдой...

Вскипитъ, взволнуется и кликнетъ кличъ, кличъ чести и свободы...

И взволновался Тихій Донъ... Клубится по дорогамъ пыль, ржутъ кони, блещутъ пики... Звучать родныя пѣсни, серебристый подголосокъ звенить вдали, какъ нѣжная струна...

Звенить, и плачетъ, и зоветъ...

То край Родной возсталъ за честь отчизны, за славу дѣдовъ и отцовъ, за свой порогъ и уголь...

Кипитъ волной, зоветъ на бой Родимый Донъ...

За честь отчизны, за казачье имя кипитъ, волнуется, шумитъ сѣдой нашъ Донъ, — Родимый Край...

Ф. Крюковъ.

Въ степи было жарко. Припархивающій оттуда вѣтерокъ приносилъ запахъ полыни и мяты, а въ городкѣ пахло соломенной гарью и ладаномъ. Низкія мазанки подь соломенными крышами просыхали подь солнечнымъ зноемъ отъ весенняго половодья. Кое гдѣ на улицѣ лежала черная блестящая грязь. Сквозь нее тонкій типецъ пробивался острыми иглами. Отъ деревянной часовни на площади, стоявшей подь развѣсистыми, старыми дубами и яблонями, убранными бѣлымъ весеннимъ цвѣтомъ, черезъ майданъ на кривыхъ дрючкахъ были намощены мостки. Узкой лентой посѣрѣвшихъ отъ солнца и времени досокъ, гдѣ съ перилами, гдѣ безъ перилъ, то поднимаясь горбомъ, то опускаясь, онѣ вились вдоль улицы, перекидывались черезъ загнутое подковой дзерко, гдѣ сквозь старый сѣрый камышь пробивались зеленые ростки, копошились пестрыя утки, и пахло иломъ и тинной, мостомъ переходили черезъ сѣверную мелкую протоку, издали казавшуюся голубой, а вблизи золотой отъ песка, сквозившаго черезъ воду, и скрывались у молодыхъ тополей въ степи.

По рѣкѣ вдоль берега, у причаловъ, и на прибрежномъ бѣломъ пескѣ стояли челны и большія черно-присмоленные будары. Лѣсъ низкихъ мачтъ рябилъ надъ голубымъ просторомъ Дона. За рѣкою зеленѣли холмы, осыпавшіеся желто-песчаными и бѣло-мѣловыми осыпями къ водѣ.

За городкомъ, на востокъ, степь начиналась не сразу. Сначала были сады, ничѣмъ не огороженные, отдѣлен-

ные отъ дороги, шедшей на сѣверъ низкимъ тыномъ, облѣпленнымъ терномъ въ бѣлыхъ цвѣтахъ и съ острыми иглами на вѣткахъ. За садами росли широкія ивы — точно пальмы раскинувшія пушистыя вѣтви съ длинными, узкими и тонкими листьями.

На степь только что прогнали табуны войсковыхъ лошадей и въ улицѣ между садами, гдѣ повыше, стояла тонкая сѣрая пыль, когда Ульянка Каторжная вышла на околицу къ протоку.

Сады примыкали къ валу и тыну, тянувшимся вдоль протоки и составлявшимъ сѣверное укрѣпленіе Монастырскаго Городка.

Стая воробьевъ съ шумомъ вспорхнула изъ кустовъ и полетѣла, о чемъ то споря, къ часовнѣ. Ульянка вздрогнула отъ неожиданности.

Тонкій голосъ раздался изъ-за вала. Кто-то пѣлъ, точно жалобу точилъ, точно крушилъ свое сердце кручиною черною... Всю ночь просидѣла Ульянка у раскрытаго окна, думая, — кажется это что-ли ей?? Такъ нѣтъ: — не казалось. Низались слова, полныя жалобъ, напоенныя тоскою — одно къ одному. Слова говорили о казачьемъ горѣ.

«Ахъ таланъ-ли мой таланъ*) такой
Или участь моя горькая,

— говорилъ неизвѣстный пѣвецъ, —

Ты звѣзда моя злосчастная!
Высоко звѣзда восходила,
Выше свѣтла млада мѣсяца,
Что затмило солнце красное!
На роду ли мнѣ написано,
На дѣлу-ли*) мнѣ досталось,
Что до младости и до старости,
До сѣдого бѣла волоса,
Во весь вѣкъ мнѣ горе мыкати,
Что до самой гробовой доски.

Ульянка прокралась къ валу и легко взбѣжала на него. Отъ маленькихъ босыхъ ножекъ посыпались ка-

*) Таланъ — участь, судьба. На дѣлу — на дѣлежѣ.

мешки и куски земли и зашуршали въ травѣ. Ульянка испугалась, остановилась и рукой ухватилась за сердце. Она хотѣла назадъ удариться, но любопытство превозмогло страхъ. Она раздвинула ивовыя вѣтви и заглянула къ протокѣ. На берегу, поджавъ подъ себя по турецки ноги, сидѣлъ загорѣлый до черна, худощавый человекъ въ бѣдномъ изорванномъ платьѣ. Сѣро-желтое полотенце чалмою обвивало его лобъ и свѣшивалось лохмотьями къ правому уху. Растрепанная черная съ просѣдью борода была не расчесана и длинными прядями лежала на коричневой груди, сквозившей черезъ дыры рубахи. Человекъ этотъ сидѣлъ, обернувшись лицомъ на востокъ, и Ульянка увидѣла его пустые, выколотые глаза, страшными черными отверстиями глядѣвшіе изъ-подъ коричневыхъ вѣкъ.

Онъ не слышалъ шаговъ дѣвушки и продолжалъ свою пѣсню-жалобу. Какъ молитва въ пустынѣ была его пѣсня, полная тонкихъ плачущихъ переливовъ, сложенная въ длинныя, тяжкія, одинокія и слѣпыя ночи въ плѣну на чужбинѣ.

Во Азовѣ славномъ городѣ,
Во стѣнѣ ли бѣлокаменной,
Какъ была, тутъ темная темница
Безъ дверей и безъ окошечекъ.

Ульянка блестящими глазами смотрѣла на пѣвшаго, ловила каждое слово жаднымъ ухомъ, и трепетало ея молодое сердце. «Полоняникъ турецкій?... Надо отцу сказать», — билась робкой пташечкой мысль въ ея головѣ. — «Экій жалостный какой! Да худой же! И слѣпой?!»...

Во той-ли темной темницѣ
Сидѣлъ тамъ добрый молодець,
Добрый молодець Донской казакъ,
Во заключеньи ровно двадцать лѣтъ,
Ровно двадцать лѣтъ и два года.

«Вотъ-то жалости! Всю-то молодость провелъ, все то лучшіе годы протосковалъ бѣдняга на чужой сторонѣ, въ темной темницѣ. Кликну батюшку... А то пѣсню до-

слушаю? больно пѣсня-то занятная, грусть тоску наводитъ, полыхаетъ мое сердце дѣвичье».

Пѣвецъ почувалъ присутствіе другого существа въ кустахъ. Онъ повернулъ худое, темное лицо къ Ульянѣ и продолжалъ пѣть, шевеля сухими губами:

Случилось тутъ мимо ѣхати
Самому царю турецкому.
Какъ возговоритъ добрый молодецъ:
— «Ой ты, гой еси, турецкій царь!
Прикажи меня поить, кормить,
Прикажи меня скорѣй казнить —
Прикажи на волю выпустить,
Не прикажешь ты вонъ выпустить —
Напишу я скору грамотку
Къ товарищамъ на тихій Донъ:
Славный, тихій Донъ взволнуется,
Весь казачій кругъ взбунтуется,
Разобьютъ силу турецкую
И тебя, царя, въ полонъ возьмутъ!»
Какъ возговоритъ турецкій царь:
«Выпускайте добра молодца,
Удалого казака Донского
Во его-ли землю Русскую,
Ко его-ли Царю Бѣлому...

— Дѣдушка!.. а дѣдушка! — крикнула Ульянка, — вы кто такіе будете?

Человѣкъ поднялся съ земли, повернулся къ Ульянкѣ и спокойно сказалъ:

— Я бѣглый изъ турецкаго полона донской казакъ. Семь тысячъ въ сто двадцать третьемъ году*) забрать я во время морского поиска на Азовскомъ морѣ въ плѣнъ, былъ мучимъ лютыми муками, ослѣпленъ и двадцать два года просидѣлъ я въ темницѣ... А теперь, какъ пустили меня за старостью турки на свободу, иду на родную землю въ Раздоры. Несу атаману Донскому грамоты, пущенныя отъ казачьихъ и русскихъ полоняниковъ — молить Государя Московскаго — вызволилъ бы насъ изъ турецкой неволи.

— Дѣдушка... Ходить въ Раздоры вамъ безъ надоб-

*) Въ тѣ времена лѣтосчисленіе было отъ сотворенія міра — 7123 годъ отвѣчаетъ 1615-му году отъ Р. Х.

ности. Михайло Ивановичъ, атаманъ донской, здѣсь, въ Монастырскомъ. Ожидаютъ на послѣ-завтра все войско Донское. Кругъ весенній будетъ.

— Слава Господу Нашему Иисусу Христу! Пречистой Богородицѣ слава. Хвала Нашему покровителю Иоанну... Это какихъ же будетъ Михайло Ивановичъ?

— Татариновыхъ.

— Не слыхалъ... При мнѣ Смага Степановичъ Черпенскій на Дону атаманилъ. Еще про Межакова помню, что на Москву царя ставить съ казаками ходилъ, слыхалъ. А вы чьихъ будете?

— Я, Ульяна Каторжная.

— Это что?... Не Ивана ли Каторжнаго, что подъ Цареградъ хаживалъ, дочка будете?

— Его самаго, — улыбнулась, увидѣвъ, какъ просвѣтлѣло лицо странника, Ульянка.

— Такъ вѣдь это же? Господи!.. Его честная воля. Вотъ событіе!.. Вотъ, можно сказать, произволеніе Господне! Вѣдь походнымъ атаманомъ когда за Азовъ въ поискъ ходили — Иванъ Каторжный былъ. На большихъ, тогда, каторгахъ шли, — по тридцать гребцовъ на каждой? Борта камышевымъ заслономъ отъ стрѣлъ занавѣшены, по шестьдесятъ, по сто человѣкъ казаковъ на дни каждой сидѣли. Хлѣба, воды, зелья на два мѣсяца было взято. И отстала, значить, наша каторга съ Исаемъ Мартемьяновичемъ черезъ туманъ сильный, отстала и заблудилась въ Азовскихъ плавняхъ. А подъ Азовскими стѣнами окружили насъ турецкіе корабли. Мы дрались отчаянно! Да куды-же! Сто на одного... Развѣ посвѣчешь столько головъ?... Пропали казачьи головушки въ тотъ страшный утренній часъ, когда гуси надъ Дономъ станицей летѣли. Пропали безъ молитвы церковной. Много, какъ меня въ полонъ забрали. И что хуже — не вѣдаю — смерть ли честная, полонъ ли лютый?

— Дѣдушка, соловья баснями не кормятъ. Идемте въ хату. Батюшка радъ будетъ васъ принять, да поподчивать, чѣмъ Богъ послалъ... Да вы погодьте, я къ вамъ спущусь, проведу васъ. А то неладно, тернами-то и ободрались недолго.

Ульянка сбѣжала къ полоняннику и бережно повела его стежкой къ перелазу въ тынѣ, вѣнчавшемъ городской валъ.

2.

У Ивана Наумыча Каторжнаго хата была богато убрана заморскими коврами и издѣліями. На чисто подметенномъ глиняномъ полу, гдѣ иголочками былъ насыпанъ для духа зеленый укропъ, въ углу, за широкою печью стояла постель черно-дубоваго дерева. Отдернутая голубая съ бѣлыми цвѣтами занавѣсь висѣла тяжелыми складками. На постели въ три ряда лежало девять подушекъ, шитыхъ шелками и накрытыхъ мальтійскими кружевами. Надъ нею на полочкѣ стоялъ корабль о трехъ мачтахъ съ парусами изъ пергамента, — игрушка генуезской работы. Подлѣ постели подъ маленькимъ продолговатымъ окошкомъ въ свинцовомъ переплетѣ со слюдою, стоялъ большой сундукъ. Сундукъ былъ раскрытъ, и Иванъ Наумычъ, высокій худощавый казакъ съ темными длинными усами и жидкой, растрепанной бородой, съ двумя рядовыми казаками раскладывалъ на столѣ и по скамьямъ вещи, вынимая ихъ изъ сундука.

На столѣ стояли серебряная чаша, чарка, ковшикъ и полдюжины винныхъ чарокъ. Мѣдный позолоченый ящикъ съ жемчужнымъ ожерельемъ Иванъ Наумычъ тщательно осмотрѣлъ и положилъ на постель, туда же бросилъ золотыя серьги съ низанными по казачьи жемчугами и перстни съ камнями — Ульянино приданое. Когда Ульянка вошла въ хату съ плѣннымъ, ея отецъ вынулъ золотой кафтанъ съ серебряными пуговицами вѣнской работы и, держа его на вытянутой рукѣ, разглядывалъ его.

— Изрядный кафтанъ, атаманъ, — нѣтъ ладнѣй какъ въ емъ на кругу вамъ быть, — встряхивая кудрями, ска-

заль молодой, черноусый казакъ, состоявшій при Каторжномъ.

— Почистить малость надо. Заплеснѣвъль отъ зимней сырости. Да, гдѣ Ульянка запропала?

— Я, батюшка, здѣсь... За водой на протоку ходила.

— За водой?... А это?... Кого привела?

Каторжный вглядѣлся въ лицо полоняника.

— Что?... Да никакъ?... Не признаю... Рябининъ. што-ли?

— Павелъ Рябининъ, Иванъ Наумычъ...

— Господи, Мать честная!... Кабы не рубецъ на носу, да не рябины воспенныя по лицу не признать бы тебя. А постарѣль... фу... да и постарѣль! Изъ турецкаго полона бѣжалъ?

— Не бѣжалъ, а пустили. Имъ я не гождь показался, а своимъ службу сослужу.

— Ну вотъ что Павелъ Петровичъ. Это разговоры разговаривать это опосля будемъ. Допреждъ всего приодѣть да накормить тебя надо... Ульянка, спорхай къ туркенямъ, скажи, чтобы баньку протопили дорогому гостю, казаку донскому... А ты... Да ты не видишь... Ну мы тебѣ ладный кафтанъ подберемъ... Чтобы знали про тебя, что ты старый ватажный Ивана Каторжнаго.

— Я, Иванъ Наумычъ, сюда не какъ бѣглый полоняникъ пришелъ. Я принесъ слезы чистыя казаковъ донскихъ, передамъ я тебѣ стоны казачьи горькіе, жалобу ихъ истощную, изъ души, отъ сердца идущую.

— Разсказывай казаку про Азовскія вѣсти. На послѣ обѣда мы это отложимъ. Да кой-кого на бесѣду пригласимъ. Послѣ завтра кругъ будетъ. Въ самый разъ твой разсказъ пригодится. Потому... Михайло Ивановичъ... Все рѣшиться не можетъ. Не то Москвы, не то турокъ боится...

Послѣ полудня, въ сѣромъ зипунѣ, подпоясанномъ синимъ шарфомъ, сидѣлъ у Ивана Каторжнаго турецкій полоняникъ. Вокругъ стола сидѣли удалые казаки Монастырскаго городка, а подъ образами на скамейкѣ были почетные гости, старики донскіе. Они сидѣли въ темныхъ кафтанахъ, подпоясанные золотыми и серебря-

ными поясами съ тяжелыми и дорогими саблями на боку. Тутъ была вся старая слава казачья.

Съ темнымъ, густо заросшимъ сѣдою бородою лицомъ, съ длинными до плечъ въ завиткахъ нѣжными волосами, расчесанными на проборъ, бѣлый, какъ лунь, и въ бѣломъ кафтанѣ, подъ большой черною иконой Спаса Нерукотвореннаго сидѣлъ старикъ Михайлъ Черкашенинъ. При немъ, 67 лѣтъ тому назадъ, пришла на Донъ первая Царская грамота, покойнаго Царя Ивана Васильевича Грознаго. Черкашенинъ помнилъ Ермака. Онъ былъ грозою Азовцамъ, и при немъ вольно гуляли казаки по Азовскому морю, ходили и за Керчь. И рыбалили, и за добычей ходили — зипуновъ добывать. Черкашенинъ, какъ сѣлъ подъ образа на лавку, насупилъ сѣдыя, кустами, брови надъ темными, прикрытыми вѣками глазами, такъ и сидѣлъ, молча, тяжело и шумно дыша столѣтнею грудью.

Рядомъ съ нимъ, лысый и толстый, носъ картошкой, лицо хитрое и сальное, что твой бояринъ московскій, сѣлъ Иванъ Кишкинъ, ловко ладившій со смиреннымъ Царемъ Ѳедоромъ Иоановичемъ.

По лѣвую руку отъ Черкашенина сидѣлъ мягкотѣлый съ бѣло-розовымъ нѣжнымъ лицомъ, въ пухъ сѣдой бороды, съ длинными, до ушей, бѣлыми волосами Василій Жигулинъ. Онъ улыбался хитрой улыбкой и изрѣдка, когда раздавалось смѣлое слово, чуть поталкивалъ подъ локоть столѣтняго Черкашенина, точно говорилъ: — «слышишь, молъ, какъ нонѣ казаки говорятъ. Не по нашему!»

Человѣкъ сорокъ набилось въ хату Каторжнаго на бесѣду. Было чинно и тихо на ней, не было табачнаго дыма, только ковши съ московской брагой гуляли по рукамъ, да стояло нѣсколько сулей добраго фряжскаго вина, привезеннаго съ послѣдняго набѣга изъ-подъ Цареграда. Старое было вино и крѣпкое.

А въ углу за занавѣской на постели, въ голубомъ кубелекѣ съ жемчужными пуговками, съ по-дѣвичьи убранными черными косами, сидѣла на подушкахъ Ульянка. Она, въ сумракѣ занавѣшенной постели, разложивъ

на подушкахъ ожерелья, самоцвѣтные камни, перстни и серьги, играла ими, то складывала ихъ на алой шелковой подушкѣ, то ссыпала ихъ въ мѣдный, хитрымъ узоромъ рѣзанный ящичекъ. А сама чутко слушала то, что говорилось на бесѣдѣ. Иногда Ульянка хваталась рукою за сердце, дѣлала порывистое движеніе, точно хотѣла сорваться съ мѣста, а потомъ прикивала былинкой къ подушкамъ, сжимала въ кулакѣ жемчуга ожерелья и съ отчаяньемъ смотрѣла на икону Божьей Матери, висѣвшую въ углу. Не шель у ней изъ ума полоняникъ турецкій, звучала въ ушахъ его пѣсня тоскливая, разрывала сердце ея. «Сколько ихъ еще тамъ осталось?» — думала она...

Говорилъ Федоръ Татаръ. Длинный, худой, черные волосы, какъ щетина у вепря, во все стороны змѣями забитковъ бѣжали, коротконогій, грудастый, съ широкими монгольскими скулами, онъ выступилъ первый послѣ доклада полоняника и прочтенья грамотокъ, что привезъ тотъ отъ плѣнныхъ.

— Надо, атаманы молодцы, намъ покориться и молчать. Всѣхъ полоняниковъ не вызволимъ, царской милости за то не заслужимъ. Москва лежитъ разореная. Отъ Москвы къ турецкому султану безперечь посланники ѣздютъ сговариваться о мирѣ. Куда мы пойдѣмъ? Развѣ тотъ Азовъ теперь, что былъ нѣсколько годовъ тому назадъ? Слыхали, что сказывалъ полоняникъ: каменные стѣны наново возведены, прокопаны вокругъ водные рвы, насыпаны валы, круглыя башни по угламъ постановлены. За крѣпостной оградой Кремль построены съ крутыми стѣнами бѣлаго камня. По берегу Дона накопаны передовыя крѣпостцы, на усть-рѣчки Каланчи башни каменные стоятъ съ янычарской стражею, поперекъ Дона Тихаго цѣпи пропущены, колокола со струнами понавѣшаны. Не подойдешь нонѣ къ Азову съ нахрапа, не возьмешь его голыми руками. Что мы имѣемъ? — Ничего...

— Окромъ доблести казачьей, — вставилъ молодой казакъ Осипъ Петровъ.

Ульянка быстро глянула на него и застыдилась. Не

разъ примѣчала она въ городкѣ этого лихого казака. Молодъ былъ, а лучше всѣхъ одѣтъ. Молодъ, а изъ-за гребней снѣжныхъ горъ привелъ жеребца. Червонцемъ горѣла шерсть на жеребцѣ, и черный ремень тянулся по крупу. Сѣдло у него было маленькое, черкесское, луки серебромъ выложены, а по пахамъ и нагруднику бляхи, черную украшенныя черкесской работы. Проѣдетъ Петровъ по улицѣ мимо Ульянки, завидитъ ее за огорожей, или въ саду, гикнетъ, пригнется къ лукѣ и промчится, до земли нагнется руками, по пыли черкнетъ — отвагу покажетъ. Лихой былъ казакъ Осипъ Петровичъ Петровъ, лихой и богатый! И давно приглянулся онъ Ульянкѣ.

Дикимъ вепремъ ринулся на него Татаръ. Пальцы въ кулаки сжалъ, голову нагнулъ, черные волосы, какъ на пружинахъ, заходили, вотъ-вотъ забодаетъ Петрова.

— Доблести казачьей?!... Доблести казачьей?!... Мало кровушки казачьей лилось понапрасну? Не довольно ли? Не пора ли намъ перестать? Отъ царя указъ: — Азовцевъ не трогать, въ мирѣ съ ними быть!

— Не гоже такъ, ахъ не гоже, — мягко заговорилъ Василій Жегулинъ. — Нюжли же нельзя, братцы, намъ во сине море пройтить? Нюжли же намъ больше по сию по морю не гулять? Зипуновъ не доставать? Царь на Москвѣ, а мы казаки на Тихомъ Дону. У его царской милости своя царская воля, у насъ своя. — Нюжли же допустить, чтобы басурманская вѣра надъ нами посмѣялась, нюжли же поступимся хотя пядью государевой вотчины.

— А для ча? — завопилъ Татаръ. — Для ча намъ Азовъ брать?... А? Мы не горододержцы, намъ въ городу все одно не усидѣть. Нѣтъ у насъ ни наряда, ни пушекъ, нѣту доспѣховъ бранныхъ. Спроси стариковъ, что подъ Казань ходили, легко имъ было?... Море заперли намъ — степь намъ осталась. Коли крымцамъ досадить не сможемъ, досадимъ ногайцамъ. Свѣтъ не коротокъ — казакъ мѣсто найдетъ. Вали на восходъ, аль на закатъ — все твое!

— Ты слыхаль, — наставительно заговорилъ хозя-

инъ — ты слыхалъ о чемъ рѣчь шла? Полонянникамъ нашимъ изъ турецкой неволи избавленіе послать. Ты слыхалъ про ихъ муки лютыя? Вотъ сидитъ мой ватажный товарищъ — Павелъ Рябининъ. Гляди въ его очи пустыя, — что говорятъ они тебѣ?! Ты слыхалъ: — по двадцать лѣтъ и болѣе томятся наши православные люди, умираютъ въ неволѣ, гибнутъ, а за что? Что мы здѣсь боярами задѣлались, что мы казачье рукомесло забывать стали.

— Москва! — сказалъ Кишкинъ наставительно.

— Что Москва?! Здравствуй Царь въ Кременной Москвѣ, а мы казаки на Тихомъ Дону. Али плохое дѣло Ермакъ Тимофеевичъ задумалъ: Сибирь отъ Кучума царя отвоевывать? Кабы не Сибирь, плохо было бы теперь на Москвѣ. И хлѣбомъ и скотомъ Сибирь помогла, — началъ свою рѣчь хозяинъ Иванъ Каторжный.

Залюбовалась отцомъ Ульянка.

— Азовъ, братцы, Москвѣ еще понужнѣе Сибири будетъ. Хаживали мы къ берегамъ Азіятскимъ, и въ Крымъ, видали людей Геновейской земли: — способные, геройскіе люди! Съ ними Москвѣ спознаться не плохое было бы дѣло! Черезъ нихъ и съ нѣмцемъ и съ франкомъ можно связаться. Отпертыя ворота для Москвы, — вотъ — что такое Азовъ. Пусть на полуночи Шведъ, на закатѣ — Ляхъ, мы полдневныя ворота откроемъ, къ синему морю пойдемъ, къ солнцу красному, ко святой горѣ Аѳонской, къ Герусалиму-городу. Нашъ покровитель Предтеча-Іоаннъ поведетъ насъ къ родной своей рѣкѣ Іорданской. Вотъ это дѣло будетъ!

Едва кончилъ свое слово Иванъ Каторжный, вся бесѣда зашумѣла. Не сочувствіе, а сомнѣнія слышались въ голосахъ казаковъ.

Старый Василиій Кабанъ, соучастникъ Ермаковыхъ походовъ, постучалъ серебрянымъ перстнемъ по столу и, когда наступила тишина, сталъ говорить медленно, четко и убѣдительно.

— И тутъ правда, и тамъ правда, братцы. Правильное слово Иванъ Наумовичъ сказалъ, ну Ѳедоръ Степанычъ тоже не неправду говоритъ. Значитъ правда-то гдѣ-

то посередкѣ лежитъ. Ну-къ что жь! Давай пошукаемъ. Когда плыль, значить, Атаманъ Ермакъ-отъ, по Волгѣ, чтобы на Каму забратся, не дуромъ плыль Ермакъ. Озорной былъ казакъ, а умомъ раскидистый. На пять версть подъ землю видѣль. Зналъ, что голыми руками и Кучумово деревянное царство не возьмешь. Спознался съ боярами Строгоновыми, отъ нихъ подмогу получилъ, отъ нихъ и бударами, и зельемъ, и снарядомъ, и одеждой разжился, отъ нихъ казну получилъ. Тады только и пошелъ, какъ казной — золотомъ — серебромъ обогатѣль. А теперя? Кто намъ поможетъ? Мы люди бѣдные и такой походъ отъ себя сдѣлать, войной пойдти противъ турецкаго султана, мы безъ подмоги не можемъ.

— Правильное слово!

— Это истинно такъ!

— Кто намъ поможетъ?

— Москва, — сказала Осипъ Петровъ, но и его голосъ прозвучалъ несмѣло.

— Нѣтъ, Москва не поможетъ, — сказала Кабанъ. — Насъ, бѣдныхъ, на Руси не любятъ, ненавидятъ насъ, аки псовъ смрадныхъ. Ушли мы отъ государства Московскаго по своей вольной волюшкѣ. Ушли отъ неволи, отъ налога, отъ холопства вѣчнаго. Ушли отъ дѣтей боярскихъ московскихъ и отъ городовыхъ приказныхъ людей. Поселились мы здѣсь въ непроходной пустынь и надѣемся только на Бога и на святыхъ Его угодниковъ.

— На Бога надѣйся, а самъ не плошай, — раздался голосъ изъ угла.

Кабанъ продолжалъ:

— Кому о насъ, бѣдныхъ, въ Московскомъ государствѣ потужить, аль порадѣть? Тамъ погибели нашей рады будутъ. А нынѣ, когда съ турецкимъ султаномъ Московскій Царь переговоры ведетъ, когда отъ Его Царскаго Величества намъ заказано по Азовскому и Черному морямъ гулять — поможетъ намъ Москва? Да никогда не поможетъ! Своей пользы Москва не понимаетъ. Вдаль Москва не смотритъ. Ей лишь-бы животы свои сберечь. Слаба Москва стала... А намъ... безъ казны и безъ Царскаго указа не идти.

Кабанъ замолчалъ. Тихо стало на стариковской бесѣдѣ.

Протянулась чья-то мохнатая и волосатая рука къ сулеѣ съ виномъ, наполнила ковшъ, и пошелъ ковшъ, какъ ладья по морю, колыхаться изъ рукъ въ руки.

— Такъ вотъ, полоняникъ турецкій! Жалко намъ васъ, въ темницахъ сидящихъ... Вотъ какъ, до слезъ намъ васъ жалко... А только... Что жъ воевать безъ казны!.. Самъ понимаешь... Не можемъ.

— И казны взять не откуда.

— Гдѣ ее возьмешь?

— Надо зелье достать, да сготовить.

— Штурмовыя машины.

— Пушки отлить...

— Продовольствія.

— Безъ сапогъ казаки сидятъ. — Вонъ съ верховъ послѣ завтрава въ лаптяхъ придутъ!

— Лѣстницы... бочки...

— Крючья да копя.

— Безъ казны не пойдешь!

Голоса нарастали, сливались въ гулъ, что носится надъ моремъ въ предвидѣннѣ бури. Каждый говорилъ слово себѣ въ оправданіе, потому что темно было на совѣсти у казаковъ, они понимали, что нехорошо поступаютъ, отказываясь идти воевать Азовъ.

Ульянка выпрямилась за занавѣской, какъ струна. Стала она еще тоньше и стройнѣе. Она подняла глаза на образъ. «Что жъ» — думала Ульянка, — и Креститель Іоаннъ не поможетъ? Не подастъ совѣта разумнаго? Онъ, Христа крестившій въ козьей шкурѣ, самъ бѣднякъ, не поможетъ бѣднякамъ?»

Она перебирала ожерелья и золото въ мѣдномъ ларцѣ и вдругъ спустила ноги на полъ. Она знала, что строго на строго запрещалъ ей отецъ появляться на казачьихъ бесѣдахъ. Каторжный въ своемъ домѣ хранилъ московскій обычай и частенько говаривалъ дочери: — «бабій волосъ дологъ, да умъ коротокъ, твое, Ульянка, дѣло во дворѣ, да въ пекарнѣ, да при котлахъ, а въ горницѣ на совѣтѣ, чтобы ноги твоей не было»...

Ульянка встала на коверъ подлѣ постели. Сжала лѣвой рукой грудь у сердца. Точно хотѣла она заставить сердце не такъ бурно колотиться. Ея грудь поднималась и опускалась, ротъ полуоткрылся, обнажая ряды бѣлыхъ и ровныхъ зубовъ. Правой рукой она перебирала въ ларцѣ драгоцѣнности. Вся она была рѣшимость, — а не рѣшалась. Ульянка въ мгновеніе все продумала, все поняла и не рѣшалась, потому что знала, на какой дерзкій поступокъ толкало ее ея сердце. Темныя брови сдвинулись. Морщинка легла поперекъ лба, отъ носа къ подбородку потянулись двѣ складки, придавая молодому прекрасному лицу выраженіе неутолимой скорби.

Ульянка отняла отъ сердца руку, коснулась края занавѣски и сейчасъ-же отдернула ее, точно обожглась. Потомъ, рѣшившись, обѣими руками раздвинула ее такъ быстро, что визгнули мѣдныя кольца по желѣзному пруту.

Ульянка появилась въ хатѣ и на занавѣсахъ, тканыхъ золотомъ по темно-синему тяжелому китайскому шелку, она стояла прекрасная въ суровой рѣшимости. Казаки повернули на нее головы. Они смотрѣли на нее съ недоумѣніемъ. Лицо Ульянкина отца искажилось гнѣвомъ. Каторжный всталъ и сталъ проталкиваться къ Ульянкѣ. Она сдѣлала два легкихъ шага къ столу, широкимъ взмахомъ руки выбросила на столъ содержимое бронзоваго ларца. По столу разсыпались золотыя перстни, легли бѣлыми змѣями жемчужныя ожерелья и свѣсились нитями, точно пролитое молоко, къ полу. Самоцвѣтные камни сверкнули огнями въ лучахъ заходящаго за Донъ солнца.

— Вотъ вамъ казна! — проговорила, задыхаясь, Ульянка. Пошукайте по сундукамъ женъ и любовницъ вашихъ, и вы найдете казну! Не казачьи рѣчи довелось мнѣ въ тайникѣ моемъ слушать!... Гдѣ ваши сердца казачьи? Гдѣ ваша любовь къ Тихому Дону?...

Голосъ Ульянки окрѣпъ. Сама она не слышала, что говорила. У ней шумѣло въ головѣ. Красныя солнца и колеса вертѣлись передъ глазами. Подъ голубымъ парчевымъ кубелекомъ тряслись ея ноги.

— Нюжли-же не восчувствовали вы жалости къ слезамъ полоняника? Нюжли-же сердце не вывернулось, когда читали грамоты, какъ въ неволѣ турецкой томятся наши отцы и братья, православные русскіе люди... Для ча носите вы сабли при бедрѣ?... Для ча похваляетесь: мы де казаки! Безъ казны намъ не воевать! Такъ вотъ вамъ казна! Соберите ее промежду себя, а не отказывайтесь отъ святого дѣла, отъ подвига, куда зоветъ васъ Іоаннъ Креститель! Не срамите своего казачьяго рода пустыми рѣчами и трусливыми словами!...

Сказавъ это, Ульянка закрыла лицо обѣими руками и кинулась вонъ изъ хаты.

Казаки встали въ крайнемъ смущеніи и возбужденіи. Только столѣтній Михайлъ Черкашенинъ, какъ сидѣлъ, такъ и остался сидѣть подъ образами. Медленно, изъ подъ густыхъ тяжелыхъ бровей поднялись коричневые въ бѣлыхъ складкахъ вѣки и открыли глаза, знающіе столѣтнюю тайну. Старый голосъ раздѣльно произнесъ:

— Судили... рядили казаки... а ума не нашли... Разсудила ихъ баба...

И сталъ Черкашенинъ подниматься съ лавки. Смага Степановичъ и Василій Кабанъ подхватили его подъ локти. Онъ всталъ, громадный своимъ старымъ костякомъ, съ обвисшимъ на немъ ветхимъ, длиннымъ кафтаномъ.

— Это, какъ кругъ постановить... Все великое войско Донское, — растерянно затараторилъ Ѳедоръ Татаръ, и щетина вепря заколыхалась на его темной головѣ.

— Какъ мы здѣсь постановимъ, — внушительно сказалъ Черкашенинъ, — такъ и кругъ повелить. Не бывало того на Дону, чтобы майданъ казаками правилъ. Правили — старики по бесѣдамъ. А мы порѣшили... — онъ протянулъ изсохшую черную руку къ дверямъ, куда вышла Ульянка, — какъ она намъ указала!

И медленно пошелъ къ дверямъ.

3.

Еще не вставало солнце надъ зеленою степью и клубились туманы надъ Дономъ, скрывая рѣку, когда толпа пестро одѣтыхъ казаковъ стала наполнять станичный майданъ. Духовенство — греческій попъ, отецъ Мардарій, и два бѣглыхъ изъ Москвы священника, выборныхъ казачьихъ духовника, въ свѣтлыхъ ризахъ стояли подлѣ небольшой бревенчатой часовни.

Парчевыя хоругви висѣли неподвижно на дубовыхъ древкахъ. Старики, опираясь на длинныя палки, сходились къ часовнѣ.

Прибывшіе съ низовъ, съ Махина городка и Раздоръ и другихъ становищъ казаки, всего окло трехъ тысячъ, разбились на двѣ части. Одни стояли надъ Дономъ, гдѣ по желтымъ пескамъ тихо плескалась рѣка, другіе заполнили широкій выѣздъ изъ городка на сѣверную Раздорскую дорогу, гдѣ застилало степь молочное море тумана.

— Плывутъ... — сказалъ молодой казакъ въ чистомъ бѣломъ зипунѣ, поверхъ котораго была накинута голубая епанча. На плечѣ онъ держалъ пицаль съ ремнемъ.

— И-дѣ? — спросилъ его сосѣдъ въ сѣромъ равномъ зипунѣ, въ штанахъ подвязанныхъ подъ колѣномъ и съ босыми ногами. Онъ вошелъ въ рѣку, поболталъ ногами и, улыбаясь, сказалъ: — а теплая вода. Искупаться бы славно.

— Ну! Дурной! Заразъ кругъ будетъ. Молебень,... а онъ — искупаться.

Съ сѣвера стало доноситься мѣрное побряхтываніе весель о деревянныя уключины. Вскорѣ стали слышны голоса. Плыло внизъ по Дону много большихъ лодокъ и на одной начиналась пѣсня, подхватывалась на другой и вдругъ всѣ пѣли разомъ, торжественно и стройно, и умолкали, тихо замирая, какъ въ церковномъ псалмѣ.

— У насъ, братцы, на Дону, во Черкасскомъ городу,

начинали на одной лодкѣ чинно, мѣрно и стройно, а съ другой ей отвѣчали:

— Проявилась у насъ, братцы, прирощеная тума*)

И нѣсколько хоровъ продолжали:

Онъ изъ тумъ, братцы, тума, Сенька Маноцховъ злодѣй?!

Слышнѣе было кряхтѣнье и скрипъ тяжелыхъ уключинъ, сталь раздаваться плескъ разсѣкаемой бударами волны и въ туманѣ показались очертанья лодокъ, хоругвей и знаменъ. Верховыя станицы спускались по Дону, спѣша на войсковой кругъ.

Отчетливо стало слышно дружное пѣніе и въ размѣрѣ плавнаго колыханья голосовъ наваливались длинныя весла, будя уснувшую рѣку.

— Старики-то пьютъ-гуляютъ, по бесѣдушкамъ сидятъ,
По бесѣдушкамъ сидятъ, про Азовъ вашъ говорятъ.

Въ то же время у околицы, у сѣверныхъ воротъ, раздавалась пальба, визгъ, крики, трескъ бубна, рокотъ литавровъ и, заглушая весь этотъ шумъ, высокій теноръ взвился къ самому небу и заговорилъ скороговоркой запѣвокъ:

Ой да — поднимался съ Москвы большой бояринъ,
Ой да — ень на тихій Донъ гуляти —

И еще невидимый хоръ отвѣтилъ ему мягкими вздохами:

Не доѣхавши тихаго Дона становился,
Похвалялся всѣхъ казаковъ перевѣшать!...

Брызнуло на востокъ яркое солнце. Заклубились туманы, улетаая къ небу, и стали видны конные казачьи

*) Тума — измѣнникъ, перебѣжчикъ.

полки. Слышался топотъ конскихъ ногъ по пыльной дорогѣ, фырканье коней, почуявшихъ роздыхъ. Защлепали по водѣ, спустились къ протоку, прошли, и вотъ показали всѣ широкимъ пестрымъ строемъ, — кто въ шеломѣ и русскихъ доспѣхахъ, кто въ парчевомъ кафтанѣ, кто въ шелку, кто въ сермягѣ, кто въ одной бѣлой рубахѣ. Хоръ гремѣлъ сотней голосовъ:

Ты гой еси, батюшка, православный Царь!
Ты суди насъ праведной расправой,
Певели надъ нами дѣлать, что изволишь:
Ты воленъ надъ нашими буйными головами.

Нѣкоторое время майданъ шумѣлъ и крутился человѣческими пятнами, какъ рѣка, несущая осенью листья въ водоворотѣ. Въ разсѣвшемся туманѣ сверкали яркія пятна пестрыхъ одеждъ, горѣли сѣдельные наборы, сабли и чепраки, развѣвались станичныя знамена. На майданѣ изъ хатъ таскали ковры, бочки, устраивались, кто сидѣть, кто лежать. Раздавались веселые привѣтственные крики.

— Здорово дневали!

— Бувайте здоровеньки!

Казаки цѣловались, обнимались и вспоминали походы. Сквозь шумъ голосовъ такихъ же пестрыхъ, какъ одежды, вдругъ прорвалось гнусавое, одноголосое греческое пѣніе молебна.

Все стихло. Обнажились черныя, русыя, сѣдые и блестящія лысыя головы. Толпа придвинулась, притиснулась ближе къ часовнѣ. А оттуда несся то мягкій теноръ, то густой басъ. Кадильный дымъ возносился къ синему небу, къ яркому солнцу, и слышалось полыханье старыхъ голосовъ:

— Не имамы инья помощи, не имамы инья надежды, развѣ Тебе, Пречистая Дѣва...

Прерывались, вздыхали всею пяти-тысячною ратью казачьею, всѣмъ войсковымъ кругомъ и продолжали съ молитвеннымъ восторгомъ:

— Ты намъ помози! На Тебѣ надѣемся и Тобою хвалимся...

Потомъ толпа колыхалась. Обносили Азовскую икону греческаго письма Іоанна Крестителя и духовенство пѣло величаніе:

— Величаемъ Тя, Предтече Спасовъ Іоанне, и чтемъ еще отъ неплодове преславное рождество Твое...

Сквозь толпу продирался старый Мардарій, кропильссопомъ и брызги воды радугой летѣли на склонившіяся головы. Опять гремѣли выстрѣлы и ихъ грохотъ заглушалъ молебное пѣніе.

Когда хоругви и иконы скрылись въ часовню, блестящую тысячью маленькихъ желтыхъ огоньковъ, толпа раздалась, стала расходиться, становясь по станицамъ, отслаиваться, образуя громадный кругъ, по серединѣ котораго собирались старики. Тамъ блистали ратные, тяжелые, жалованные доспѣхи, сверкали шелка, бархатъ и атласъ дорогихъ кафтановъ, тамъ въ серебрѣ, золотѣ и самоцвѣтныхъ камняхъ были кривыя азіатскія сабли. Къ краямъ круга цвѣта были менѣе ярки, сѣрѣли пестрые сермяжные зипуны, видны были липовые лапти и сабли были въ черныхъ деревянныхъ ножнахъ съ пестрою мѣдной оправой. Кругъ гомонилъ и шумѣлъ. По краямъ казаки сидѣли на коврахъ, пили вино, закусывали хлѣбомъ, бараниной и копченой таранью. Мальчишки играли въ айданчики и звонко щелкала свинчатка по бараньимъ костямъ.

Внизу у желтой песчаной осыпи тихо плескалъ весь теперь видный голубыми просторами Донъ. Весь берегъ былъ заставленъ бударами, убранными пестрыми коврами, хоругвями и знаменами. Казаки и казачки навѣшивали на берегу на треноги котлы, разводили огни, готовя обѣдъ.

Шумно гомонила и шевелилась толпа. Станицы обсуждали свои дѣловые вопросы. Спрашивали атамановъ и есауловъ, для чего собралось все войско, и что будетъ обсуждаться?

У часовни показался атаманъ Михаилъ Ивановичъ.

Онъ долго стоялъ на боченкѣ, оглядывая кругъ, ожидая, когда стихнуть голоса и напряженно станетъ вниманіе. Наконецъ, взялся за шапку.

И сейчас по всему майдану раздались властные крики:

— Замолчи честная станица! Атаманъ трухменку гнеть!

Игравшіе на коврахъ въ зернь казаки смѣшали кости и подошли къ кругу. Мальчишки бросили свинчатки и стали продираться между ногъ казаковъ поближе къ срединѣ.

Есаулы махали надъ головами шапками и зычно кричали:

— Помолчи, честная станица! Помолчите-ста атамань-молодцы.

Войсковой кругъ стихъ.

Атаманъ снялъ съ головы шапку и поклонился войсковому кругу.

Вся громадная толпа, заполнившая широкій майданъ, обнажила головы, и гулъ привѣтствій пронесся по кругу. Накрылись... Въ переднихъ рядахъ старики стали садиться на принесенныя скамьи и табуреты. Атаманъ надѣлъ шапку и сталъ говорить. Что онъ говорилъ, большинство казаковъ плохо слышало. По рядамъ пронеслось шорохомъ: — «объ Азовѣ говоритъ атаманъ. Съ Азова грамоты пришли».

Зашумѣли станицы.

Казаки, пришедшіе съ Раздоръ, съ Махина и со Смагина городковъ, конные полки, прибывшіе со степи, быстро воспламенились мыслью идти въ большой и серьезный походъ рѣшать государево дѣло. Кагальницкіе казаки, казаки съ Хопра и Медвѣдицы — колебались. Среди нихъ мотался высокій и нескладный Федоръ Татаръ. Непокорные черные вихри его гривы, торчавшіе изъ-подъ шапки и змѣями бѣжавшіе къ плечамъ, показывались надъ казачьими головами, и слышался его долбящій голосъ. Оттуда приходили атамань, указывали на сермяжные зипуны и рваные холщевые штаны, на лапти, да онучи и доказывали, что имъ такого похода не осилить.

— Сила турецкаго султана въ Азовѣ великая. Оч-нихъ пушекъ считали лазутчики до трехсотъ, а вся наша войсковая артиллерія — четыре легкихъ фальконе-

та. Зипунишки наши рваные, обнищали мы за эти годы. И не можемъ мы на такое дѣло рѣшиться.

— Не обнищали вы, а измалодушествовались, — строго выговаривалъ имъ атаманъ, — а что зипунишки у васъ рваные, такъ въ самую пору вамъ идти хорошихъ зипуновъ добывать у Азовцевъ. Тамъ и казна лежитъ богатая, будетъ на чемъ поправиться.

Солнце приближалось къ полудню и сильно пекло на майданѣ казачьи головы и плечи. Отъ рѣки доносился запахъ ухи и жареной баранины, а станицы все не могли столковаться, все ходили среди нихъ люди, убѣждая то въ одномъ, то въ другомъ.

Атаманъ, дожидавшійся въ кругу стариковъ доклада о мысляхъ казаковъ, сталъ выслушивать подходившихъ къ нему станичныхъ атамановъ и есауловъ. Его лицо было довольно. Широкой ладонью поглаживалъ онъ темную бороду, наконецъ, всталъ на боченокъ. Есаулы бросились въ толпу. Раздались голоса:

— Помолчите-ста, атаманы молодцы!..

— Замолчи честная станица...

Не сразу водворилась тишина. Но когда она настала, то была такая напряженная, такая полная, что гдѣ-то далеко за станицей въ степи брехала собака, былъ слышенъ ея лай и казался неприличнымъ и неумѣстнымъ. Старики встали съ лавокъ. Они окружили тѣснымъ кругомъ атамана и стояли лицомъ къ казакамъ. Въ ореолѣ сѣдыхъ кудрей и бородъ, надъ шитыми золотомъ и серебромъ кафтанами, надъ цвѣтными шапками, въ пестрой красотѣ живописныхъ одѣяній и блестящаго оружія, атаманъ въ розовомъ парчевомъ кафтанѣ, тканномъ серебряными цвѣтами и отороченномъ по борту соболемъ, въ дорогой собольей шапкѣ, съ кривымъ ятаганомъ на боку, горѣвшимъ камнями, былъ красивъ и величественъ. Сзади него виднѣлось молодое лицо юноши казака, полное воли, съ сухими сжатыми губами, Осипа Петровича Петрова, и бритая голова запорожскаго кошевого, прибывшаго съ запорожскими казаками съ далекаго поиска. Тонкое, бритое лицо, съ острымъ прямымъ носомъ и длинными сѣдыми усами, походило на голову хищной

птицы. Оно казалось головою степного орла, сидящей на человѣческомъ тѣлѣ. Въ рубахѣ, по турецки заправленной въ широкіе шаровары, съ пистолетомъ и ножами за поясомъ запорожскій кошевой нагнулъ голову на бокъ и съ хитрой усмѣшкой приготовился слушать, что скажетъ атаманъ.

Проста и коротка была атаманова рѣчь.

— Предлагаемъ мы, — отчетливо, рубя каждое слово, говорилъ атаманъ, и его слова были далеко слышны. Кашевары, готовившіе у котловъ обѣдъ, встали отъ костровъ и подошли къ кругу. Ульянка вышла на крыльцо отцовскаго дома, стояла, прислушиваясь, и глядѣла въ молодое лицо Осипа Петровича. Лицо казака румянилось отъ ея издали идущаго взора и рѣшительнѣе стягивались губы, сжимая волевою подбородокъ.

— Предлагаемъ мы, — повторилъ Михайло Ивановичъ, — главному войску, атаманамъ и казакамъ, совершить великій подвигъ!

Онъ остановился. Было такъ тихо, что слышно было дыханіе толпы и тихій шелестъ молодыхъ камышей на берегу Дона. Атаманъ продолжалъ:

— Смыть вины наши передъ Государемъ. Сдѣлать дѣло, какъ сдѣлалъ его Ермакъ! Открыть Москвѣ ворота къ морю... Пойдти посѣчь басурманъ... взять городъ Азовъ и утвердить въ немъ православную вѣру!...

Атаманъ замолчалъ. Ни одинъ голосъ не раздался изъ Круга. Кругъ стоялъ неподвижный, точно пораженный рѣшимостью и смѣлостью атамана.

Вдругъ медленно, едва сгибаясь, поднялась черная рука столѣтняго казака Михаила Черкашенина, потянулась къ шапкѣ, сняла шапку, обнажила серебро тонкихъ, какъ пухъ, волосъ. Черкашенинъ перекрестился.

И сейчасъ же молодо и весело крикнулъ Осипъ Петровичъ, удалой казакъ:

— Въ часъ добрый!

Весь кругъ загудѣлъ голосами.

— Въ добрый часъ!

И опять пошелъ гулъ и разговоры по кругу, иные

казаки начали расходиться. Но побѣжали по кругу есаулы и закричали властно:

— Помолчите-ста, атаманы молодцы! Помолчите-ста!

— Атаманы молодцы! — сказалъ атаманъ, — наши братья запорожскіе казаки, что гостями у насъ, поклялись идти за одно съ нами и до смерти воевать противъ басурманъ.

Бурей привѣтствій грянулъ кругъ. Съ боченка улыбался птичьей головой запорожскій кошевой и кланялся, кривя беззубый ротъ.

— Ай молодца! — кричали казаки. — Спасибо, товарищи. Доброе задумали! Прибыло нашего полку.

Когда кругъ успокоился, было предложено избрать походнаго атамана.

— Михаила Ивановича Татарина, — крикнулъ кто-то изъ круга.

— Кому?... Ему и быть... Атаману.

— Ваньку Каторжнаго!

— Тимофей Яковлевича...

— Просить всѣмъ кругомъ Тимофея Яковлевича.

— Михаила Ивановича!

— Михаила Ивановича!

— Какъ присудили, атаманы молодцы?...

— Михаила Ивановича, — былъ единодушень крикъ.

Атаманъ снялъ шапку и поклонился.

Кругъ началъ расходиться. Есаулы обѣгали станицы, требовали выборныхъ для обсужденія вопроса посылки особой легкой станицы для доклада Москвѣ, выработки плана похода, а на завтра назначался общій сборъ и молебень.

Вечеромъ, подъ сиреневыми кустами поймалъ Ульянку Осипъ Петровичъ. Онъ поцѣловалъ вырвавшуюся дѣвушку въ обѣ щеки и сказалъ:

— И лоба же ты мнѣ, Ульяна Ивановна. Будь мнѣ женой!

— Ишь ты какой!... Ты допрежь Азовъ возьми, а потомъ будемъ разговоры разговаривать, — вырываясь изъ

крѣпкихъ рукъ казака, сказала Ульянка и такъ толкнула Петрова, что онъ привалился на тынъ.

— Можетъ, Ульяна Ивановна, мнѣ подь Азовомъ припадетъ въ новоселье скочевать, въ матушку сырую землю?

— Ну-къ что-жъ, — безопасно отвѣтила Ульянка, — это дѣло казацкое, обычное.

— Ты же знаешь, Ульяна Ивановна, насъ немного, первый, второй, да и конецъ счета, а Азовская сила дюже большая.

— Аль испугался, Осипъ Петровичъ! — насмѣшливо сказала Ульянка. — Сила-то большая, да Азовскій паша громоздокъ ордою, а лихихъ начальниковъ и молодцовъ-наѣздниковъ у него по пальцамъ перечесть можно. А не нравится? Что тебѣ лучше — голова съ плечъ, или живыя ноги въ кандалы татарскія?... А не то поѣзжай съ батюшкой, сказывали казаки батюшку выбирать будутъ съ бударами на Москву итить. — Ульянка съ боку, не скрывая насмѣшки, посмотрѣла на Петрова.

Осипъ Петровичъ плюнулъ.

— Змѣя, дѣвка! — крикнулъ онъ. — А будешь моей.

— Апосля Азовскаго похода!

Ульянка скрылась въ отцовской хатѣ.

Осипъ Петровичъ, шатаясь, пошелъ къ берегу Дона, гдѣ отражались въ водѣ алые костры, и откуда стройная пѣсня неслась:

«Старники-то пьютъ, гуляютъ, по бесѣдушкамъ сидятъ,
По бесѣдушкамъ сидятъ, про Азовъ вашъ говорятъ».

II. Красновъ.

АЗОВСКОЕ СИДѢНІЕ.

Древняя столица Азовской казачьей общины въ 1503 году перешла къ Туркамъ. Донское Казачество, отрѣзанное отъ Азовскаго и Чернаго морей, окруженное съ Запада, Востока и Юга Татарами, отрѣзанное бездорожнымъ Дикимъ Полемъ отъ Россіи, задыхалось, ища себѣ выхода.

Неоднократно казаки ходили «подъ Азовъ», но всѣ попытки ихъ овладѣть этимъ «ключемъ къ выходу въ море» не приводили ни къ чему, кромѣ напрасныхъ большихъ потерь.

Когда, послѣ смутнаго времени, государственная жизнь вошла въ относительно нормальную колею, было обращено вниманіе въ направленіи Азова, но не въ томъ смыслѣ, какъ это хотѣлось казакамъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, не желая вступать въ активную вражду съ Турками, поневолѣ долженъ былъ не только отказывать въ поддержкѣ казакамъ, но настойчиво требовалъ отъ нихъ прекращенія набѣговъ противъ Азова. А желаніе идти въ море было такъ сильно!

«Старики пьютъ да гуляютъ, по бесѣлушкамъ сидятъ».

О чемъ же они думаютъ? и о чемъ бесѣдуютъ?

«Про Азовцевъ говорятъ: не дай, Боже, азовцамъ ума разума того.
«Не построили бы башни на усть рѣчки Каланчи*»),
«Не перекинули бы сѣти черезъ Славный тихій Донъ».

*) Притокъ Дона.

Бывали случаи, когда казаки ухитрялись, обманувъ бдительность турецкой крѣпостной охраны, проходить мимо Азова въ Азовское и дальше въ Черное моря. Въ виду этого турки стали строить сторожевыя башни, а Донъ заграждать желѣзными цѣпями.

Смѣлость и упорство казаковъ вынудили турецкаго султана обратиться съ самымъ категорическимъ требованіемъ къ Михаилу Ѳедоровичу о прекращеніи казачьихъ набѣговъ. Царю Михаилу оставалось только съ такимъ же категорическимъ требованіемъ обратиться къ Казакамъ.

На собранномъ весною 1637 года войсковомъ кругу, казаки должны были окончательно рѣшить, какъ быть съ Азовомъ. Смѣлые, рѣшительные люди не могли принять иного рѣшенія, какъ то, что «Азовъ служитъ причиною раздоровъ между нами и Москвою, а поэтому его надо взять». Разъ рѣшеніе было принято, его надо было привести въ исполненіе. Выбранный походнымъ Атаманомъ Михаилъ Татариновъ собралъ девять тысячъ казаковъ съ 4 легкими пушками и пошелъ брать Азовъ.

Несмотря на то, что Азовъ по тому времени являлся сильной крѣпостью (4 тыс. янычаръ и 400 орудій), хитростью и смѣлостью казачьей онъ былъ взятъ.

Но взять было мало — надо было удержать въ рукахъ. Казаки отлично понимали, что самимъ имъ бороться противъ могущественной въ то время Турціи не по силамъ, и это заставило ихъ снарядить посольство и просить Русскаго Государя взять Азовъ подъ свое покровительство. Имъ, привыкшимъ къ войнѣ въ полѣ и на морѣ, казалось въ диковину сидѣть въ крѣпости. «Мы не горододержцы», писали они Михаилу Ѳедоровичу. Приславъ короткую благодарственную грамоту, царь просилъ, однако, казаковъ Азовъ оставить. Горько и больно стало казакамъ. «Что взято нашей кровью, то только ею и можетъ быть отдано». Начался тяжелый періодъ приведенія крѣпости въ состояніе, годное для обороны. Все присылаемое Царемъ жалованіе отдавалось казаками въ казну для военныхъ нуждъ. Всѣми работами руководили Атаманы Наумъ Васильевъ и Осипъ Петровъ. Въ лихорадочной

работѣ прошли 4 года. Не даромъ тревожились казаки. Отъ плѣнныхъ турокъ и татаръ, которыхъ забирали казаки, не прекращавшіе своихъ набѣговъ въ предѣлы Крыма и Турціи, они узнали, что Султанъ рѣшилъ и подкрѣпилъ свое рѣшеніе клятвою на коранѣ, что Азовъ имъ будетъ взятъ. И, дѣйствительно, въ апрѣлѣ 1641 года могущественная армія турецкая, поддержанная флотомъ, всего около 200 тыс. чел. (это извѣстно по раздаточнымъ спискамъ на жалованіе этой арміи), подошла къ Азову. Не начиная осады, турки предложили сначала казакамъ за свободный выходъ изъ Азова около 40 т. червонцевъ. Казаки съ презрѣніемъ отвергли это предложеніе, написавъ на имя Сераскира Паши, командовавшаго арміей, пространное письмо, гдѣ, между прочимъ, говорили: «когда намъ нуженъ былъ Азовъ, мы его взяли; если намъ нужно будетъ золото, мы его также возьмемъ и спрашивать не будемъ, а теперь, если Азовъ тебѣ нуженъ — возьми его у насъ». Послѣ этого отвѣта начался штурмъ Азова. Къ вечеру 24 апрѣля турки уже овладѣли частью крѣпостной стѣны, уже большое красное знамя Сераскира съ золотымъ полумѣсяцемъ развивалось на западномъ фосѣ крѣпости, ужегнулись казаки.

Въ этотъ тяжелый часъ изъ горсти гарнизона, состоявшаго изъ 5 т. казаковъ и 800 женъ казачьихъ, не было никого, кто не былъ бы въ бою. Женщины уносили раненыхъ и рядомъ съ мужьями, стоя на крѣпостной стѣнѣ, сыпали въ глаза осаждавшихъ песокъ и лили на ихъ головы кипящую смолу и воду. Въ послѣднюю минуту, когда, казалось, все уже было кончено, Атаманъ Наумъ Васильевъ, съ послѣдней горстью казаковъ, бросился въ опасное мѣсто, захватилъ большое знамя, захватилъ еще 6 другихъ, малыхъ знаменъ и сбросилъ турокъ со стѣны. Наступила ночь, бой кончился.

Турки понесли такія большія потери, что принуждены были просить на слѣдующій день перерыва боя для уборки убитыхъ, которыми были завалены крѣпостные рвы; при этомъ они не преминули предложить за это деньги, не предполагая, что казаки, будучи, по ихъ мнѣ-

нію, падкими на золото, даромъ позволять сдѣлать уборку. И здѣсь сказалась вся рыцарская душа стараго казачества, воевавшего не ради денегъ, а ради идеи — борьбы съ невѣрными и «чести и славы казачьей». Казаки отвѣтили: «Вообще мы торговлей не занимаемся, а тѣмъ паче не торгуемъ мертвецами, — берите ихъ даромъ».

Послѣ неудачнаго штурма турки приступили къ правильной осадѣ. Установивъ на возведенныхъ вокругъ Азова брустверахъ свою многочисленную артиллерію, они начали бомбардировку. Въ теченіе 5 мѣсяцевъ велась непрерывная артиллерійская атака, чередовавшаяся со штурмомъ; при чемъ турки, имѣя огромное количество войска, могли штурмовать и днемъ и ночью, замѣняя уставшія части свѣжими. Крѣпостныя стѣны были разрушены до основанія. Возведенные казаками валы сравнивались съ землею, и только «въ третьемъ земляномъ городѣ», какъ говорится въ грамотѣ Царя Михаила Федоровича, отсидѣлись казаки, дождавшись перерыва въ штурмахъ, ибо турки, несмотря на то, что ихъ было въ 20 разъ больше, потеряли силы. Это было къ 28 сентября, вѣрнѣе, въ ночь съ 27 на 28 сентября 1641 года. Знаменательная ночь!

Въ эту ночь оставшіеся немногимъ болѣе 2 т. казаковъ, да и тѣ еле живые отъ нечеловѣческой усталости, собрались на послѣдній кругъ у часовни Іоанна Предтечи, чтобъ рѣшить, что дѣлать. Никто не говорилъ о сдачѣ, а думали, какъ бы лучше и честнѣе выйти изъ безвыходнаго положенія. Они сдѣлали все, что было въ силахъ человѣческихъ, они имѣли возможность спасти жизнь сдачей крѣпости, или продолжать биться и погибнуть всѣмъ до единого. Первое они считали позоромъ — и избрали второе — рѣшили погибнуть съ честью и славою. Но, помня, что они не «горододержцы», они рѣшили выйти въ поле! И дѣлали это для того, чтобы, какъ они говорили, «читать намъ престоль Іоанна Предтечи, своей части казачьей и славы атаманской не забывать». Казаки поклялись, если кому удастся вернуться живымъ на Донъ, когда будетъ возможно, вывезти кости

павшихъ подъ Азовомъ защитниковъ его въ родную казачью землю. Давъ такую клятву, они попрощались другъ съ другомъ и со все́мъ «міромъ». Это прощаніе вылилось въ эту страшную минуту въ такую форму:

Прости ты насъ, Государь и Великій князь всея Руси Михаилъ Ѳедоровичъ и помяни насъ грѣшныхъ. Прости насъ, народъ Православный. Непокоръ мы учинили Государю и всему государству русскому. Простите насъ, поля чистыя, дубравы зеленыя и тихія заводи.

Прости и ты насъ, нашъ Тихій Донъ Ивановичъ!
Ужъ намъ по тебѣ, Атаману нашему, въ быстрыхъ челнахъ своихъ не ѣздити,
Въ свѣтлыхъ водахъ твоихъ рыбы не лавливати.

Помолившись въ послѣдній разъ передъ высокочтимой ими иконой Іоанна Предтечи, передъ разсвѣтомъ, голодные, измученные, израненные казаки вышли изъ воротъ крѣпости въ поле въ Донскую сторону на послѣдній бой. Впереди видно — горять костры турецкаго лагеря. Кругомъ тихо. Медленно, осторожно идутъ казаки. Подходятъ близко къ кострамъ. Тихо... Начинается разсвѣтъ. Казаки идутъ дальше, и чѣмъ дальше, тѣмъ осторожнѣе... Слышать шумъ, но не впереди а сзади, за Азовомъ. Медленно поднимается солнце. Подъ его лучами подымается туманъ, и видять казаки чудо. Услышалъ Предтеча ихъ горячія молитвы и помогъ. Въ лагерѣ турокъ не было. Догорали оставленные ими костры, а остатки турецкой арміи садились на корабли, стоявшія за Азовомъ. Бросились казаки къ кораблямъ — не о спасеніи думали, а о мести. Атаковали послѣдними силами, не успѣвшихъ сѣсть на корабли порубили. Кончилось Азовское сидѣніе. Но казаки не оставили Азовъ, въ которомъ были еще до 43 года, когда, по рѣшенію Великаго Земскаго Собора и грамотѣ Государя, въ которой говорилось: «Всевеликому Войску Донскому Азовъ оставить, а казакамъ идти по своимъ юртамъ, или кто куда хочетъ», они вышли изъ Азова, увезя съ собою церковную утварь,

часть артиллеріи, крѣпостныя ворота и, во исполненіе данной ими въ Азовѣ клятвы, кости всѣхъ павшихъ защитниковъ Азова.

Кости эти похоронены у Монастырскаго городка, и нынѣ самъ Донъ*) охраняетъ ихъ, такъ какъ могила находится подъ нимъ — противъ Монастырскаго урочища.

В. Короченцевъ.

*) Донъ перемѣнилъ русло какъ-разъ въ сторону могилы.

РОДНАЯ БЫЛЬ

Въ изгнаніи, въ краю чужомъ немиломъ; среди житейскихъ битвъ и шума городовъ; въ пыли, въ чаду подъ лязгъ металла, вздохъ машинъ и стонъ измученнаго люда; въ тискахъ лишеній и нужды. вельнъемъ рока присужденныхъ, съ разбитою душой, усталый, потный и въ крови съ изсохшими устами — Тобой живу, Тобой горжусь я, Степь Родная!

Пусть черный дымъ отравою валить изъ трубъ бесчетныхъ, пусть печи пасть пожарищемъ пылаеть, и пусть расплавленный металлъ въ котлѣ неистово клочечетъ.

Я знаю: тамъ, вдали, откуда солнце, восходя, ласкаетъ міръ привѣтною улыбкой, въ просторѣ вольномъ, въ истомѣ, нѣгѣ — тамъ раскинулась — лежишь ты, Степь Родная...

Безмолвна Ты, безмѣрна ширь Твоя и дремлешь Ты, залитая лазурью. Лишь тамъ, вдали, гдѣ опираясь на курганъ, хрустальный небосклонъ съ игрою полудня смѣшался, тамъ коршунъ молодой, взмахнувши вольными крылами, полетъ направилъ свой за вѣрною добычей. Да, мѣтокъ взоръ его, стремительны движенья... Вотъ легкихъ крылъ отлилъ онъ серебро и въ жертву когти ужъ впиваетъ.

Дереть, струится кровь, дымясь, и, дерзкій, клювомъ углубясь, добычу сладостно терзаетъ...

И снова тишь... Уснулъ просторъ, и волны воздуха недвижны, лишь солнца лучъ, въ эфирѣ отразясь, въ просторѣ золотомъ разлился.

Какая ширь, какая вольность и просторъ! О, да — я обнимусь съ Тобою, Степь Родная! Кто скажетъ — нѣтъ?!

Блеснула бы на мигъ лишь мысль о томъ, что не вдохну ужъ Твой эфиръ израненною грудью, клянусь: я больше бы не жилъ!

Но вѣрю я — меня Ты ждешь и на груди Своей позволишь отдохнуть скитальцу. Я твой, въ твоихъ я пѣсняхъ отдыхаю, Тебѣ моления посылая все времена изъ всѣхъ краевъ...

И вотъ теперь, средь грязи, тьмы, въ культурѣ ложной задыхаясь, я мыслю о Тебѣ же, Степь Родная.

Тебя я чувствовать хочу и раздѣлить съ тобой и радости и грусть, прожитую вѣками... Передо мной плывутъ они, мѣшаяся въ пространствѣ, кружатся, медленно текутъ и, въ вѣчность сонную вливаясь, сказанья-были берегутъ.

Но въ отблескѣ вѣковъ твой ликъ казался неизмѣннымъ: все то жъ величье, нарядъ торжественность молчанья, все та же дѣвственность въ груди сѣдой, украшенной цвѣтами, все тотъ же вѣтерокъ въ зной полудня, пахнетъ и освѣжитъ тебя, засеребритъ ковылью.

А вдаль вѣковъ, сказанья вѣковъ храня, дымясь, торжественно молчать курганы.

А кто жъ, какъ не они, сѣдыхъ временъ повѣдаютъ намъ тайны? Кто сторожилъ вѣка въ просторѣ необъятномъ? Кто прахъ сокрылъ минувшаго героя, кому орелъ, купаясь, повиснувъ въ облакахъ, вперивъ свой взоръ, тайнственно шепталъ сказанья? Они расскажутъ намъ, они, сѣдые великаны...

Ну, въ кругъ тѣснѣй! Все на курганъ при солнечномъ закатѣ! Въ торжественной тиши багрянцами залитой, въ волненьи съ трепетомъ въ груди услышимъ сказъ сѣдого Чародѣя.

В. Владыкинъ.

КОВЫЛЬНЫЙ СКАЗЪ.

Пройдутъ года... Струящійся ковыль,
Сѣдой волной играя по степи могучей,
На струнахъ вѣтра, въ серебрѣ созвучій,
Чудесную расскажетъ внукамъ былъ.
Услышать всѣ ковыльный сказъ пѣвучій...

Святую былъ... О томъ, какъ Тихій Донъ
На зовъ поруганной поверженной Россіи
Водилъ на смерть свои полки лихіе,
Врагами самъ, какъ тучей, окружень.

То не тюльпановъ, пламенныхъ цвѣтовъ,
Лилося по степи пурпуровое море:
То, Тихій Донъ, на всемъ твоёмъ просторѣ
Алѣла жарко кровь твоихъ сыновъ.

То не сухая блѣдная полынь
Своею горечью пожгла степей раздолье:
То слезы матерей горячей болью
Одѣли степи въ рубище пустынь...

Но ты не дрогнулъ, край богатырей.
За поколѣньями сжигалъ ты поколѣнья,
Какъ жертвы чистыя, безъ сожалѣнья,
Рукой отцовъ и скорбныхъ матерей...

Ты все принесть на жертвенный костеръ:
Плоды своихъ трудовъ, своихъ отцовъ жилище,
Покой и радости... Святой и нищій,
Себѣ оставилъ волю да просторъ...

Такъ вотъ о чемъ струящійся ковыль,
Съдой волной играя по степи могучей,
На струнахъ вѣтра, въ серебрѣ созвучій
Чудесную расскажетъ внукамъ быль.
Услышать всѣ ковыльный сказъ пѣвучій.

П. К.

Во всѣ концы — куда ни погляди —
Просторъ безкрайный;
Растеть и ширится восторгъ въ груди
Необычайный.

Она живетъ, немѣрная даль,
Вѣка безъ счета.
Своя у ней и радость и печаль,
Своя забота.

Земля и небо, солнце и трава
Мѣшаютъ краски...
А въ воздухѣ — ни звуки, ни слова —
Степныя сказки.

Не эта ль даль, подобная мечтѣ,
Съ ея безмѣрьемъ,
Внушила намъ любовь къ родимой простотѣ,
Къ роднымъ повѣрьямъ?...

Не потому ль свобода казаку
Святѣе жизни,
И носить по міру свою тоску
Онъ по отчизнѣ?

Просторъ степей насъ издали манить,
Намъ міръ весь тѣсенъ...
Лишь иногда предъ нами воскресить
Простой, но милый нашъ казачій бытъ —
Надѣвъ родимыхъ пѣсенъ.

Борисъ Незлобинъ.

Парижъ, 1924.

НЕ СУДЬБА.

1.

На высококомъ нагорномъ берегу Дона, недалеко отъ большой окружной станицы, стоитъ женскій монастырь.

Когда-то, больше ста лѣтъ тому назадъ, онъ былъ мужскимъ.

Давно уже вѣчнымъ сномъ покоятся его прежніе обитатели на заглухшемъ кладбищѣ надъ обрывомъ Дона.

Каждую весну, во время половодья, вешнія воды подмываютъ крутой берегъ; земля осыпается, увлекая съ собой истлѣвшія кости и остатки гробовъ.

Нынѣшнія обительницы монастыря — монахини — бережно подбираютъ могильные остатки и складываютъ ихъ въ часовеньку на отмели, чтобы потомъ похоронить ихъ на монастырскомъ кладбищѣ.

Отъ древнихъ зданій монастыря почти ничего уже не осталось. Всѣ болѣе новыя постройки и среди нихъ величественный храмъ—окружены высокой стѣной съ крѣпкими воротами, которыя на ночь запираются. По строгому монастырскому уставу ни одинъ взрослый мужчина не имѣетъ права ночевать въ стѣнахъ обители. За оградой для прїѣзжающихъ есть хорошая гостиница.

Изъ монастыря — чудный видъ на сверкающую серебромъ ленту Дона, спокойно несущаго къ югу свои воды, и на безграничные затоны, зеленые луга и лѣса на его лѣвой сторонѣ, теряющіеся въ голубой дымкѣ горизонта. Въ этой своей части Донъ несудоходенъ, несмотря на значительную глубину на большей части своего протяженія; мели и перекаты не позволяютъ проходить крупнымъ судамъ.

2.

Въ первый разъ побывалъ я съ своей старшей сестрой лѣтомъ въ монастырѣ 6-лѣтнимъ мальчикомъ у своей тетки-монахини, м. Игнатіи, которая уже около 40 лѣтъ жила въ обители. Маленькая, бодрая старушка, съ живыми черными глазами и крупными чертами лица, похожая на моего отца, жила въ отдѣльномъ деревянномъ домикѣ съ своимъ «семействомъ», какъ она называла жившихъ у нея казачекъ. Его членами были — пожилая монахиня матушка Порфирія, съ молодой племянницей-послушницей и еще одна дѣвочка-подростокъ.

Весело и привольно проходили мои дни въ монастырѣ подъ материнской лаской тетки и среди заботъ монахинь. Все мнѣ казалось такъ новымъ и интереснымъ: и суровая величественная игуменія, передъ которой такъ низко склонялись черныя монахини, и гулкій соборъ съ золотымъ иконостасомъ, прекрасное пѣніе молодыхъ монахинь съ церковныхъ хоровъ, купаніе на ровной песчаной отмели Дона, откормленный монастырскій конь, сливы и груши монастырскаго сада, вкусное вишневое варенье у тети въ шкафчикѣ подъ образами, въ ея прохладной, съ закрытыми ставнями комнатѣ.

Всѣ въ монастырѣ баловали меня. Казачки вообще прекрасныя матери и любятъ дѣтей — и своихъ и чужихъ. Оторванные судьбой отъ родной семьи, монахини рады были проявить материнское чувство и къ чужому ребенку, родственнику искренно всѣми уважаемой старѣйшей монахини.

Но больше всѣхъ возилась со мной послушница Аюта, племянница м. Порфиріи, красивая, веселая дѣвушка съ всегда смѣющимися синими глазами. Жизнь была въ ней ключомъ. Всякая работа кипѣла въ ея рукахъ. Все она дѣлала быстро, шутя и смѣясь, съ трудомъ сдерживая свою жизнерадостность подъ строгимъ взоромъ своей тетки.

Я былъ слишкомъ малъ тогда, чтобы интересоваться вопросомъ, почему моя тетьа пошла въ монастырь. Впослѣдствіи отецъ разсказалъ мнѣ ея печальную исторію. Молодой дѣвушкой она вышла по любви замужъ за донскаго офицера, есаула Д. Но счастье ихъ было непродолжительнымъ. Вскорѣ мужъ долженъ былъ уйти на службу на Кавказъ и въ одномъ изъ безчисленныхъ боевъ съ горцами былъ смертельно раненъ и скорѣ умеръ. Молодая вдова не захотѣла второй разъ выйти замужъ и пошла въ монастырь, до конца дней своихъ молясь за душу погибшаго въ бою друга...

Сестра моя осталась учиться въ монастырскомъ училищѣ, а меня отправили домой.

3.

Двѣнадцать лѣтъ спустя, юнымъ офицеромъ Л. Гв. Атаманскаго полка, только что окончивъ Ник. Кав. Училище, я снова пріѣхалъ въ монастырь навѣстить матушку Игнатію.

Все «семейство» тети съ радостью встрѣтило меня. Какъ знакъ особаго вниманія къ ней, игуменія разрѣшила оставить меня въ своемъ домикѣ на все время моего пребыванія въ монастырѣ. Сгорбилась уже старушка, ходила съ трудомъ съ палочкой, но все была такая же бодрая, живая. Сильно постарѣла и м. Порфирія и уже какъ-то отошла отъ жизни, вся погружившись въ молитву; ея губы все время шептали святыя слова, и она почти не выходила изъ своей кельи. Выросла молоденькая послушница Оля, худенькая и скромная.

Но кто меня поразилъ — это бывшая послушница Анюта, нынѣ монахиня-матушка Серафима...

Изъ красивой, веселой дѣвушки, настоящей казачки, здоровой и крѣпкой, готовой смѣяться, пѣть и шу-

тять, она превратилась въ худую, увядающую женщину съ медленными, какими-то усталыми движеніями. Прекрасные синіе глаза свѣтились той же добротой и лаской, но видно было, что не мало слезъ пролили они. Какое-то тяжелое, затаенное горе сквозило въ ихъ миломъ выраженіи, въ скорбныхъ складкахъ около когда-то очаровательныхъ губъ. Глубокой покорностью судьбѣ вѣяло отъ всей ея печальной фигуры...

Мнѣ очень хотѣлось распросить ее, поговорить съ ней по душѣ, но это долго не удавалось.

Въ этотъ разъ я пробылъ въ монастырѣ три дня. Побывавъ у новой м. игуменіи, умной и энергичной женщины, возобновилъ знакомства съ старыми монахинями, знавшими меня еще ребенкомъ, многое узналъ о жизни въ обители — и примѣры высокой, подвижнической жизни и простыя дѣла житейскія, подчасъ и мелкія дразги и интриги, и о порывахъ къ иной жизни со стороны еще не привыкшей къ монастырю женской молодежи, о случаяхъ ухода послушницъ и даже побѣга ихъ.

Въ тихій лѣтній вечеръ, за стаканомъ чая, на балкончикѣ кельи, я слушалъ рассказы монахинь о ихъ простой и трудолюбивой жизни, полной подвиговъ и молитвы, смиренія, послушанія и самоотреченія. Далекія отъ жизни за оградой обители, большинство — никогда нигдѣ дальше своей станицы, не бывавшія, — онѣ съ большимъ вниманіемъ и интересомъ слушали и мои рассказы о Петербургѣ, казачьихъ полкахъ, и въ особенности о Государѣ и Царской семьѣ, вздыхали, крестились.

Нерѣдко въ нашъ домикъ заходили и другія монахини и послушницы. Среди послѣднихъ было много совсѣмъ молодыхъ, миловидныхъ казачекъ въ черныхъ, остроконечныхъ скуфейкахъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ я замѣтилъ бѣлую узенькую полоску по краю головного убора, красиво выдѣлявшуюся на общемъ черномъ фонѣ.

— «Матушка Серафима, — спросилъ я: «что озна-

чаетъ эта бѣлая полоска? Какой нибудь отличительный знакъ?».

— «И, родной», сказала она, ласково улыбаясь: «да развѣ жъ вы не знаете, что всѣ мы, хоть и монахини, а все же бабы: хочется вѣдь красивѣе быть... А особенно этимъ егозамъ! По уставу-то никакихъ украшений носить имъ нельзя; а эта полосочка на нѣкоторыхъ кускахъ бархата зачѣмъ-то оставлена. Такъ вотъ нѣкоторыя франтихи-то нарочно такой кусочекъ выбираютъ... Все же попригляднѣе будетъ!».

4.

Наконецъ, какъ-то подъ вечеръ, мнѣ пришлось остаться вдвоемъ съ м. Серафимой, и я попросилъ ее рассказать о своей жизни съ тѣхъ поръ, какъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, 12 лѣтъ тому назадъ.

— «Да что рассказывать-то, родной!», грустно отвѣтила она: «мало радости видѣла я на свѣтѣ... Да и кончено все это! Я — инокиня теперь, и о мірскомъ прошломъ не слѣдуетъ уже мнѣ вспоминать. Молю Господа простить грѣхи мои — да будетъ Его святая воля! Скоро ужъ, вѣрно, предстану я передъ Нимъ»...

Послѣднія слова она произнесла чуть слышно. Ея скорбныя губы зашептали молитву. Я повторилъ свою просьбу, и м. Серафима начала свой рассказъ.

— «Вы помните, что я казачка станицы Н-ской, сказала она, задумчиво глядя на золотой крестъ собора, сверкавшій въ лучахъ заходящаго солнца. Родители мои умерли рано; я мало ихъ помню. Осталась еще у меня ихъ карточка — оба видные да красивые были смолоду. Маленькой сироткой взяла меня къ себѣ сестра покойницы матери — тетенька Марья Васильевна. Тяжело ей самой, бѣдной, жилось. Вдова, достатковъ мало; домиш-

ка плохенькій. Кое-какъ работала дома и у сосѣдей, пока силы были, а состарилась — вся работа на меня пала, хоть и молода я еще была.

И вотъ, когда совсѣмъ плохо пришлось намъ, — рѣшила она продать домикъ и уйти въ монастырь нашъ.

Горькая жизнь въ станицѣ была у насъ, и не жалѣла я о ней.

Продали домъ, принесли деньги матушкѣ игуменіи, и она устроила насъ у вашей тети, дай ей Богъ здоровья! Любимъ мы всѣ очень матушку Игнатію! Ужъ такая она добрая, да ласковая, хоть и видъ суровый у нея...

И зажили мы здѣсь тихо и спокойно. Тетя моя вела хозяйство у вашей, въ церкви прислуживала, а я помогала ей и въ хорѣ пѣла: голосиста была, и ноты скоро понимать стала, грамотѣ сестры меня обучили въ училищѣ — псалтирь на клиросѣ читать стала, всѣ книги въ библиотекѣ перечитала по нѣскольку разъ.

Черезъ годъ приняла моя тетя постригъ и стала настоящей монахиней — матушкой Порфиріей.

Случалось и раньше, что она совѣтовала мнѣ тоже принять монашество, да какъ-то мало тогда я думала объ этомъ. А теперь, послѣ пострига, чаще стала она говорить о немъ: «Что въ міру-то хорошаго? Что ты потеряла тамъ? Пойдешь замужъ, дѣти будутъ, да еще мужъ пьяница попадетъ, бить станетъ. Хорошо еще, если женится богатый; а если такъ жить придется, какъ мы съ тобой жили, спины за работой не разгибая? Развѣ не лучше здѣсь? И покой тебѣ, и молитва и голодать не будешь?»...

Стала и я думать объ этомъ. Да видно ужъ — грѣшная очень уродилась, а, можетъ-быть, — и рано еще было: не тянуло меня къ молитвѣ и посту... Молода вѣдь была: только 17 годковъ минуло какъ-разъ, когда ваша сестрица пріѣзжала въ монастырь съ вами, маленькимъ...

Послѣ невеселой жизни въ станицѣ, когда и голодъ и холодъ и обиды всякія пришлось испытать — въ обители мнѣ жилось хорошо. Ласковы всѣ со мной были, не обижали, и голодать не приходилось. Много подругъ мо-

лодыхъ было у меня здѣсь — послушницъ, и жили мы всѣ дружно между собою.

Бывало, послѣ ранней обѣдни, лѣтомъ побѣжишь внизъ къ Дону съ ними купаться. Солнышко встанетъ, вода тихая, теплая, туманъ легкій надъ Дономъ клубится, птички поютъ въ лѣску на островѣ, далеко гдѣ-то жеребенокъ заржетъ, какъ колокольчикъ серебряный зазвенитъ... И такъ свѣтло и хорошо на душѣ станеть, такъ радостно, что слезы на глаза выступаютъ и молиться Богу хочется горячѣй, чѣмъ въ темной церкви послѣ сладкаго сна...

Такихъ молодыхъ послушницъ, какъ я, было насъ съ десятокъ. Бросимся въ воду, плещемся, другъ дружку водой обливаемъ и такой визгъ иногда поднимаемъ, что старшая надъ нами монахиня — сердитая такая — издалека грозитъ пальцемъ и бранить насъ начнетъ, но, пока она дойдетъ до берега, мы живо успѣемъ одѣться и бѣгомъ вернуться въ обитель.

А сѣнокосъ за Дономъ!

Вы знаете, что монастырю принадлежитъ много лѣсовъ и луговъ по ту сторону Дона. Во время сѣнокоса почти всѣ молодыя монахини и послушницы по очереди живутъ тамъ, по нѣсколькимъ днямъ, въ шалашахъ, помогая убирать сѣно. Это для насъ было самое радостное время, настоящій праздникъ.

Встанемъ рано, на разсвѣтѣ, помолимся Богу, выпьемъ чаю или молока, — и за работу: грести сѣно, въ копны его складывать. И такъ весело и радостно идетъ уборка! Шутимъ, смѣемся, слушаемъ, какъ казаки-косари поютъ пѣсни, иной разъ и сами затынемъ, да старшая-то матушка сразу перестать велитъ; грѣшно вѣдь свѣтскія пѣсни пѣть монахинямъ!

Къ полудню жарко — умаешься... Побѣжимъ въ Донъ купаться, пообѣдаемъ чѣмъ Богъ послалъ, отдохнемъ — и снова за работу до поздняго вечера. И радостно смотрѣть, какъ много копенъ мы направили за день и пріятно слышать похвалу матушки игуменни, которая иной разъ придетъ къ намъ посмотреть на сѣнокосъ и на нашъ трудъ.

Ночи на займищѣ не жаркія. Комары только одолѣваютъ. Приходится иной разъ костеръ разводить и дымомъ отгонять ихъ. Не спится иногда; лежишь на свѣжемъ сѣнѣ, слушаешь, какъ сверчки отрекочуть, и другая маленькая Божія тварь свой голосъ подаетъ, лягушки квакають, — смотришь на темное небо, гдѣ горитъ столько яркихъ звѣздочекъ — все чьи-то свѣтлыя души у Бога — и думаешь, какъ хорошо на бѣломъ свѣтѣ и какъ не хочется возвращаться скоро опять въ монастырь, опять все молиться, пѣть въ церкви, думать о небесной будущей жизни...

А жить то на землѣ такъ хотѣлось! Вѣдь молода я была еще, родимый!»...

Замолчала м. Серафима, глубоко задумалась, переживая свѣтлое прошлое и казалось, забыла о моемъ присутвіи.

Я смотрѣлъ на ея прекрасные задумчивые глаза, уже поблекшее, худое лицо, еще сохранившее черты былой красоты, въ строгой рамкѣ черной косынки, и мнѣ глубоко стало жаль бѣдную дѣвушку... Чувствовалась какая-то глубокая драма въ ея жизни, тяжелое горе, которое она еще не успѣла пережить и побороть въ себѣ.

Сгущались сумерки. Уже потухъ золотой крестъ на соборѣ. Темныя тѣни постепенно окутывали обитель. Въ кельяхъ зажигались огоньки.

Звонъ часового церковнаго колокола пробудилъ м. Серафиму отъ ея задумчивости.

Она провела рукой по лбу, тяжело вздохнула и, застѣнчиво улыбаясь, тихо сказала: «Простите, родной! задумалась... Хотите слушать дальше?».

Я просилъ продолжать.

«Прошло такъ два года. Привыкла я совсѣмъ къ монастырю и уже не страшно мнѣ казалось и постригъ принять. Думала сдѣлать это осенью или зимою. И чего ждать мнѣ въ мѣрѣ! Все родное здѣсь у меня, въ обители. Здѣсь мой домъ.

И вотъ тутъ лѣтомъ и случилась бѣда со мной...

Какъ и прежде, была я на сѣнокосѣ. Стояли жаркіе дни а ночи такія свѣтлыя, лунныя, теплыя! Хоть и устала я за день, а что-то разъ не спалось мнѣ. Поужинали, поболтали мои подружки и скоро заснули мертвымъ сномъ. Долго лежала я, глядя на небо, и такъ грустно стало у меня на душѣ! Вспомнила отца съ матерью, какъ они ласкали меня, маленькую, какъ все ладно и хорошо было у насъ въ домѣ, и такъ вдругъ самой захотѣлось быть около мужа, ласкать своего ребенка, заботиться о нихъ — своихъ, родныхъ, близкихъ... Перекрестилась я — страшно мнѣ стало: вѣдь я монахиней скоро буду, а вотъ вѣдь какія грѣшныя мысли въ голову идутъ!

Молитву сотворила, долго и жарко молилась, головой къ травѣ росистой припадая — ничего не помогаетъ: не было покоя душѣ моей...

Встала я и пошла по тропинкѣ къ лѣску, думала, что хоть усталость успокоитъ мою душу и тѣло и дастъ мнѣ сонъ и миръ.

Иду я, задумавшись, и вдругъ около лѣска изъ-подъ куста кто-то тихо меня окликнулъ.

Испугалась я, бѣжать хотѣла. Но не успѣла и шага сдѣлать, какъ передо мною сталъ казакъ Василій, — одинъ изъ косарей у насъ, и тихо взялъ меня за руку.

— «Не бойся, Аннушка! Я зла тебѣ не сдѣлаю»... ласково сказалъ онъ: «давно, родная, хочу поговорить съ тобой, да все боязно было... То подружки съ тобой, то монахини»...

Духъ захватило у меня... И страшно, — вдругъ уви-

дить кто, — и сладко такъ... Красивый и видный изъ себя былъ Василій, лучше всѣхъ былъ изъ косарей и пѣлъ такъ хорошо! Въ вашемъ же полку отслужилъ онъ царскую службу. Не разъ видала я, какъ онъ косилъ траву: грудь богатырская, руки сильныя, какъ взмахнетъ косою да тряхнетъ кудрями русыми — любо смотрѣть на него. Меня иной разъ увидить — опуститъ косу, долго, такъ ласково, смотритъ. А у меня — щеки пылаю!... Охъ, какъ стыдно мнѣ станеть! Уйду скорѣе отъ него грести сѣно, а самой все назадъ посмотрѣть хочется, на добра молодца русаго, и молитвы не могу творить отъ навожденія.

А онъ, какъ нарочно, вдругъ пѣсней соловьемъ зальется, и коса, какъ перышко, въ его рукахъ, — свиститъ, густую траву рядами укладывая...

Удержалъ меня Василій, усадилъ подъ кустикомъ на сѣнѣ, самъ сѣлъ рядомъ. И словъ нѣтъ у насъ, молчимъ.

А ночь какая была дивная! Вдали блестѣлъ крестъ надъ обителью нашей, дикія утки кричали надъ затонами Дона... И тихо, тихо такъ...

А сердце такъ билось у меня, точно выскочить изъ груди хотѣло...

Совладалъ съ собой Василій, говорить сталъ. И голосъ такой тихій, задушевный:

— «Люблю тебя, Аннушка, крѣпко люблю, родная! Нѣтъ для меня никого краше тебя! Какъ увидалъ тебя въ первый разъ на сѣнокосѣ, — что-то за сердце схватило меня, самъ не свой сталъ... Какъ повидаяю тебя, пѣть хочется, — силы во мнѣ дѣвать некуда, станичники за мной не поспѣваютъ въ косьбѣ, ругаются... А какъ уйдешь ты въ обитель — свѣтъ мнѣ не миль: все изъ рукъ валится, работа не спорится, казаки смѣются начнутъ, пристають, что со мной...

— Аннушка, ты знаешь — небогатъ я, да за то здоровъ на работу и голова — на плечахъ. Въ полку урядникомъ былъ, начальство меня отличало. Сотенный просилъ на сверхсрочную службу остаться — вахмистромъ общалъ сдѣлать. Да не захотѣлъ я: дома мать старенькая одна

осталась, хозяйство вести некому, да и Питера не люблю я. Еще лѣтомъ въ лагерѣ — ничего себѣ, хоть поле да лѣсъ чухонскій видишь, а въ городѣ, въ казармахъ — фабрики и заводы кругомъ, да копотъ либо грязь отъ дождей.

Тутъ у насъ на Дону — лучше: и къ Богу и къ землѣ ближе»...

— «Такъ вотъ, Аннушка, думалъ я, думалъ и рѣшилъ просить тебя: будь мнѣ женой! Вѣкъ тебя любить буду, никогда не обижу... Знаю, что ничего у тебя нѣтъ, въ монахини идти собираешься. Да брось ты это! Еще успѣешь Богу намолиться — пусть старья молятся, а ты еще молода...

Хозяйство заведемъ какъ слѣдуетъ, дѣточки у насъ будутъ... Любить да ласкать ихъ будемъ»...

И долго, долго такъ говорилъ мнѣ Вася. И слушала я его голосъ, какъ сладкую музыку, и все, что онъ говорилъ, казалось мнѣ такимъ простымъ и легкоисполнимымъ.

И согласилась я быть его женой. Какъ горячо обнялъ онъ меня и цѣловать сталъ! И плакали мы оба слезами радости и счастья...

Какъ въ туманѣ, ушла я отъ него передъ разсвѣтомъ. Цѣлый день хотѣлось мнѣ пѣть, все меня радовало. А на работѣ все поближе старалась быть къ моему Васенькѣ ненаглядному, чтобы лишній разъ переглянуться съ нимъ, увидѣть его кудри русыя да глаза соколиныя. Эхъ, хорошее времячко было!

Еще не одинъ разъ видѣлись мы ночью съ Василѣемъ. До разсвѣта сидѣли и бесѣдовали, строили планы будущей жизни. Кружилась голова иной разъ у насъ, но чисты мы оставались предъ Богомъ...

Рѣшили мы, что какъ кончится покосъ, — я переговорю съ теткой, попрошу ея благословенія, и осенью мы обвѣнчаемся. Я не сомнѣвалась, что она согласится.

6.

Снова задумалась м. Серафима. Стало уже почти темно, и мнѣ не видно было ея лица. Спустя нѣсколько мгновеній я услышала сдержанныя рыданія и шепотъ молитвы. Мелькнулъ бѣлый платочекъ, вытирая невольныя слезы. Опять взяла себя въ руки моя сосѣдка и придождала рассказъ ровнымъ, какимъ-то безстрастнымъ голосомъ...

— «Кончился покосъ, вернулись мы въ обитель. Только изрѣдка, мелькомъ, удавалось намъ повидаться съ Васей, — то на водопоѣ подъ монастыремъ, то въ станицѣ на базарѣ, когда меня посылали туда. Записочку иной разъ передаетъ онъ мнѣ — все проситъ, чтобы я скорѣе переговорила съ теткой...

А у меня все не хватаетъ духу! Ночи не сплю, все думаю... Страшно, боюсь!...

Наконецъ рѣшилась: сказала, благословенія просила. Разсердилась м. Порфирія, долго бранила меня, запретила и думать о бракѣ, проклясть грозила, если не послушаю...

Плакала, молила я строгую тетку, какъ мать родную, — но она ничего и слышать не хотѣла.

Передала я все это Васѣ на водопоѣ. Сильно закручинился онъ, но сказалъ, что отъ меня не отступится. Послалъ свою мать къ теткѣ свахой; но ничего изъ этого не вышло. Прогнала ее м. Порфирія, а за мной неотступно слѣдить стала, никуда меня одну не отпуская.

Охъ какъ тяжела жизнь мнѣ стала тогда! Чуть руки на себя не наложила...

Долго не видала я Васеньку. И вотъ разъ получаю отъ него записочку черезъ одну подружку, которой я довѣрила нашу любовь. Пишетъ онъ, что я должна бѣжать изъ монастыря: другого выхода нѣтъ. Черезъ нѣсколько дней удалось намъ повидаться; умолялъ онъ меня со-

гласиться на это. Долго колебалась я, но, наконецъ, рѣшилась.

— «Не буду рассказывать подробности своего побѣга... Не удался онъ! Ночью, когда я уже перебросила Василию черезъ монастырскую стѣну свои вещи, тетка поймала меня на мѣстѣ преступленія. Что было потомъ со мной! Тяжело вспоминать...

Горячка у меня была. Чуть Богу душу не отдала... Очень недовольна была м. игуменія всей этой исторіей и только ради моей тяжелой болѣзни и просьбы вашей тетки насъ оставили въ обители.

Вотъ и все, родной! Не судьба была мнѣ стать женой, матерью, можетъ-быть, дѣточекъ своихъ ласкать, мужа любить!...

Не благословилъ Господь...

Черезъ полгода, я приняла иноческій санъ. Десять лѣтъ почти прошли съ тѣхъ поръ. Васю я больше не видала. Слыхала какъ-то, что черезъ годъ женился онъ, но не очень счастливъ былъ.

Гдѣ теперь — не знаю: говорятъ, переселился въ другую станицу»...

Кончила бѣдная Аннушка свою грустную, такую простую и несложную повѣсть и долго еще молча сидѣла, переживая минувшее... Зазвонили къ вечернѣ, и она, крестясь и шепча молитву, тихо побрела въ церковь — такая жалкая, усталая...

7.

И вспомнился мнѣ еще въ дѣтствѣ прочитанный рассказъ въ «Житіяхъ Святыхъ».

«Одинъ отшельникъ, долго постомъ и молитвой спасавшій свою душу въ пустынѣ, возгордился своей святостью и сталъ думать, что на всей землѣ только онъ одинъ ведетъ праведную жизнь, угодную Богу. И явился во снѣ ему ангелъ и сказалъ: «Если люди, которые ведутъ жизнь болѣе угодную Господу, чѣмъ твоя. Иди, найди ихъ и поклонись имъ. Когда найдешь ихъ я снова явлюсь тебѣ».

Въ страхѣ проснулся отшельникъ и рано утромъ пустился въ путь.

Посѣтилъ онъ много схимниковъ, монаховъ и инокинь, высокихъ духовныхъ лицъ и священниковъ, всюду узнавалъ и спрашивалъ о ихъ жизни. Много времени прошло уже — и ни разу ангелъ Божій не явился ему. И снова гордость фарисейская зашевелилась въ душѣ отшельника, что нѣтъ человѣка болѣе праведной жизни, чѣмъ онъ... И вотъ, когда, послѣ долгихъ, бесплодныхъ поисковъ, онъ хотѣлъ уже вернуться въ свою пустыню, — опять явился къ нему ангелъ и сказалъ: «Пойди въ городъ, на его окраинѣ найдешь бѣдный домъ мѣстнаго жителя (назвалъ его имя). Передъ его женой — преклонись». И пошелъ туда отшельникъ. Нашелъ домъ и жену — еще молодую женщину, окруженную дѣтьми.

Привѣтливо, съ именемъ Божиимъ на устахъ, встрѣтила она далекаго путника, накормила его, дала ему отдохнуть. Чисто и уютно было въ бѣдномъ домикѣ, и, какъ пчелка, забывая о себѣ, цѣлый день трудилась хозяйка, заботясь о вернувшемся съ работы мужѣ и дѣтяхъ. Миръ и любовь царили тамъ.

Цѣлый день пробылъ пустыжникъ въ этомъ домѣ и, уходя, поцѣловалъ край одежды молодой жены, и сказалъ: «Да будетъ благословенно Имя Господне! Вижу

теперь, что не одними молитвами и постомъ можно уго-
дить Богу: и въ мірѣ можно спастись, исполняя заповѣ-
ди Божіи».

И безконечно жаль стало бѣдную м. Серафиму. Сколь-
ко счастья и радости могла она дать, какъ жаждала са-
ма счастья жизни ея богатая натура... Не судьба!

8.

Много лѣтъ спустя, уже на порогѣ старости, я сно-
ва посѣтилъ монастырь.

Давно уже въ лучшій міръ отошла моя добрая ста-
рушка — тетья, а за ней и м. Порфирія. Ихъ похоронила
м. Серафима, и сама вскорѣ умерла отъ чахотки, оста-
вивъ по себѣ память необыкновенной доброты и кротости.

Поклонясь на кладбищѣ праху м. Игнатія, я зашелъ
и къ скромной могилкѣ Аннушки. Былъ прекрасный
лѣтній день. Весело чирикали воробьи на деревьяхъ
кладбища, пышныя, бѣлыя облака плыли на голубомъ
небѣ, серебряной лентой сверкала безконечная гладь
красавца-Дона. Звонкимъ колокольчикомъ съ того бере-
га доносилось ржаніе жеребенка и безпокойный отвѣтъ
его матери. Веселой стайкой, шушукаясь и смѣясь, бѣ-
жали за ворота молоденькія бѣлицы, — вѣроятно, къ
Дону купаться. За ними едва поспѣвала, опираясь на
палку, старая монахиня-надзирательница. Съ широкихъ
заливныхъ луговъ Дона чуть слышно доносился сталь-
ной звукъ отбиваемой косы и лихая казачья пѣсня ко-
сарей...

А. Богаевскій.

СТАРУШКЪ-МАМЪ.

Памяти моего брата.

Тамъ, за горами,
За синей далью,
Въ станицѣ милой
Одна ты въ храмѣ
Стоишь съ печалью
Старушкой хилой.

Ты вся сѣдая,
Ты вся въ морщинахъ,
Ты вся — терпѣнье, —
Не все жъ, родная,
Творцу за сына
Ты шлешь моленье.

Любовь и вѣра
Не оскудѣли
Въ груди изсохшей.
Имъ есть ли мѣра!...
Къ какой шелъ цѣли
Твой сынъ усопшій?...

О жизни вѣчной
Въ упокоеньи
Молись, родная.
Въ любви сердечной
Ты примиренье
Найдешь, страдая...

Въ морщинахъ милыхъ
Печаль сотрется,
Пройдутъ напасти.
Но я — не въ силахъ!...
И сердце рвется
Мое на части...

Прости, родная,
Мое безсилье,
Мой страхъ безъ мѣры...
Лишь ты, святая,
Имѣешь крылья
Любви и вѣры!...

Борисъ Незлобинъ.

СЪ ЗАПУДОМЪ.

Какъ и всѣ мы, люблю я свою родину — «самую красивую станицу на сѣверѣ Дона» — по свѣтлымъ воспоминаніямъ ранней юности.

Вспоминая теперь издали родную станицу, я нахожу, что красоть въ станицѣ было дѣйствительно много. Высокій бугоръ, на которомъ раскинулась станица, окаймляемый чуть ли не со всѣхъ сторонъ свѣтлыми и чистыми водами рѣки Медвѣдицы съ ея притокомъ Лычакъ, величаво возвышался въ степномъ просторѣ; большой прибрежный лѣсъ со множествомъ камышевыхъ озеръ, — привольное раздолье для охоты и рыбной ловли; луга цвѣтистые и сочные въ лѣсныхъ полянахъ, а дальше степь безкрайняя, пахучая, грустью манящая въ своемъ просторѣ. Люблю я нашу церковь величавую, блестящую въ дали на высотѣ кургана, своею бѣлизною и позолотою, ворчанье монотонное старинной мельницы съ плотиной на рѣкѣ, гдѣ лунной ночью услышишь шопотъ сказки нѣжной о русалкѣ; люблю майданъ на площади церковной, гдѣ пестрою толпой представлена станица въ завѣтѣ вѣковомъ.

Все, все люблю я тамъ!

Могу признаться, по секрету отъ станичниковъ, что я люблю даже прозвище наше — «сурки». Время скрыло происхождение этой клички, но она стала традиціонною мишенью казачьяго остроумія. По версіи самихъ станичниковъ, названіе «сурки» произошло отъ расположеія станицы на бугрѣ, напоминающемъ нору сурка. Сосѣди же утверждали, что «сурками» мы стали послѣ избранія станичнымъ сходомъ на должность Атамана строгой и мудрой бабки Сурчихи, которая держала станицу въ ежовыхъ рукавицахъ. Несмотря на безобидный характеръ этихъ кличекъ, казаки реагируютъ на нихъ очень остро, — вплоть до кулачной расправы.

Середина августа. Дни жарки, но утреннія и вечернія зори уже свѣжи и влажны, воздухъ прозрачнѣе, небо глубже и звѣзды ярче. Окончена полевая уборка хлѣбовъ, и пустѣвшая лѣтомъ станица снова полна жизнью домашней работы. Это благодатное время сбора плодовъ съ полей, садовъ и огородовъ казаки посвящаютъ веселью и сытному отдыху.

Никогда не бываютъ такъ ярки и многочисленны толпы народа у церкви и майдана, какъ въ праздники этого времени, и никогда не бываютъ такъ шумны и веселы сидѣлки, игрища и кулачные бои, какъ вечерами этихъ дней. И яркія звѣзды долго наблюдаютъ тогда, сквозь густую, бодрящую свѣжесть вечернихъ сумерекъ, кипучую рѣзвость удалой молодежи и глубокой старческой покой съ тѣною грусти среди тихой бесѣды на завалинкахъ стариковъ.

Жаркій день догорѣлъ, и большой красный дискъ солнца скрылся за прибрежнымъ лѣсомъ рѣки Медвѣдицы. Послѣдній лучъ его потухъ на золотѣ высокаго креста церкви и густой паръ поднялся надъ рѣкой и озерами.

Еще стояла облакомъ пыль надъ станицей, поднятая возвращающимися стадами; еще слышался рѣзкій скрипъ тяжело нагруженныхъ зерномъ и соломой телегъ и арбъ; тягучее, сытое мычаніе коровъ передъ воротами своихъ дворовъ, назойливое хрюканье прожорливыхъ свиней, блеяніе овецъ и далекій лай, — какъ незамѣтно спустившаяся темнота заставила все сразу успокоиться. Установилась ночная тишина отдыхающей станицы, изрѣдка прерываемая грузнымъ пыхтѣніемъ лежащихъ коровъ, фырканьемъ лошадей у сѣна и ударами часовъ церковнаго колокола. Въ этой всеобъемлющей тишинѣ, доносившійся шумъ воды въ плотинѣ казался ворчливымъ сторожемъ неугасшей жизни.

Возлѣ дома, въ полисадникѣ, за большимъ столомъ, освѣщеннымъ лампой, собралась наша семья къ ужину. Не мудрено было тогда заботливой хозяйкѣ заставить весь столъ закусками, «варенымъ и жаренымъ», и если бы не любимыя коровы — Машки, Буренки, собаки

— Шарикъ, Букеты, и лошади — Васьки, — не подалось бы и половины подаваемого на столъ.

Уже кончался ужинъ; ворчливый самоваръ въ облакъ пара тянулъ свою привѣтливую пѣсню, и сытый сладкій сонъ блуждалъ вокругъ, какъ изъ темноты улицы слышалась тихая пѣснь, стуки пустыхъ ведеръ и бойкіе женскіе голоса.

— Арсеничъ, съ запудомъ идемъ. Пускай Петро съ бреднемъ на косу приходитъ до мѣсяца, — прорычалъ густой басъ Ивана Николаевича, и, послѣ, задорный женскій молодой голосъ добавилъ:

— «И ты, Васятка, приходи».

Первое касалось нашего кучера, весельчака Петра, а второе — меня, реалиста 4 класса, проводившаго послѣдніе дни каникулъ у родителей.

Съ нескрываемымъ удовольствіемъ Петръ снималъ съ плетня бредень, предвидя бессонную, но веселую ночь, и мурлыкая любимую: «Вхали казаченьки со службы домой». Иначе было со мной — изъ-за поздняго времени отецъ меня не отпускалъ; но испытанный въ этихъ случаяхъ вѣрный путь черезъ доброе сердце матери, всегда приводилъ къ успѣху.

Ловить рыбу «съ запудомъ» бреднями, — выраженіе мѣстное.

Около станицы рѣка Медвѣдица преграждена широкой плотиной, по концамъ которой стоятъ двѣ мельницы, а въ серединѣ — вешнякъ. Весною вода, высоко поднимаясь надъ плотиной, образуетъ здѣсь водопадъ, почему по обѣ стороны плотины рѣка особенно глубока. Далѣе же рѣка протекаетъ въ отлогихъ песчаныхъ берегахъ съ глубиною не выше груди человѣка. Это ровное и мелкое мѣсто рѣки у станицы въ опредѣленные періоды изобилуетъ рыбой, которая у насъ называется «сиклешки». Издавна ведется обычай сдавать съ торгу на сходѣ это мѣсто рѣки для ловли рыбы «съ запудомъ».

Обиліе рыбы въ рѣкѣ и озерахъ возлѣ станицы породило много любителей легкаго труда рыболова; но отсутствіе сбыта размножило бѣдствующихъ лѣнтяевъ. И

справедливо сложилась въ округѣ поговорка про станицу:

«Весной — съ блесной,
«Лѣтомъ — съ удочкой,
«Зимой — съ сумочкой.

Сквозь абсолютную темноту августовской ночи бѣлизна сыпучаго песка косы у рѣки была еле замѣтна, да прибрежный лѣсъ отдѣлялся еле видимой полоской отъ глубины неба. Яркія, весело мерцавшія звѣздочки помогали человѣку бороться съ жутью темноты.

Когда мы съ Петромъ подошли къ ожидающимъ насъ, мы увидѣли на пескѣ силуэты двухъ группъ. Въ первой — мужской, низкій басъ Ивана Николаевича объяснялъ предстоящій планъ дѣйствій, вставляя массу шутокъ и поговорокъ, отчего его рѣчь была жива и интересна; во второй, — тѣсный кругъ сидящихъ на пескѣ дѣвочекъ слушалъ рассказъ Анютки, самой красивой, рѣзвой и смѣтливой дѣвки въ станицѣ. Она была старше меня на три года; моя сосѣдка, всегдашняя руководительница и сообщница въ играхъ, моя первая нѣжная страсть и робкая мечта.

— Агафья-мужичка, что возлѣ винополя живетъ — вѣдьма; она оборачивается то въ большую свинью, то въ собаку, то въ ежа и на пустырь, возлѣ церкви, людей пужайтъ; она по ночамъ ходитъ доить чужихъ коровъ, а у чахоточнаго Семки Атаманцева кровь сосеть; ее хотѣли было казаки убить, да писарь Костиковъ объяснилъ, что это по-книжному не полагается».

Для убѣдительности Анютка часто прибавляетъ: «Ей-Богочки, правда», а въ болѣе сильныхъ мѣстахъ таинственно шепчетъ — «и Святыя Иконы».

Заглушаемые до шопота звуки голоса рассказчицы, чувствуемая напряженность вниманія, наивность содержанія рассказа на общемъ фонѣ глубокаго мрака дѣйствовали на мой дѣтскій разумъ. Хотя мое сознаніе «ученаго» и говорило мнѣ о фантастичности рассказа, но, подъ впечатлѣніемъ цѣльности всей картины, я все же вѣрилъ.

Во второй группѣ растянувшійся во весь ростъ на

пескъ Иванъ Николаевичъ съ торчащей вверхъ бородой басить:

— Сикля мель любить, потому — теплѣе; слышишь, какъ шуршитъ рѣка; рыба кишмя-кишитъ. Ежели гомонить не будете, мы ее видимо-невидимо загонимъ. Ну ты, Петро, иди съ ребятами къ мосту и, какъ мѣсяцъ взойдетъ надъ плотиной, забредайте; а я дѣвокъ съ бреднями разставлю и свистну.

Мы встали и пошли по берегу къ мосту.

Изъ-за лѣса показался огромный полукругъ блѣдой луны, обрисовывая въ темнотѣ контуры мельницы, станичной горы съ церковью и мостъ.

— Снимай, ребята, штаны, берите шалыжины и потихоньку забредайте объ сваи.

По поясъ въ водѣ, подъ мостомъ, намъ пришлось долго ожидать команднаго свиста. Далеко по рѣкѣ разносила басъ Ивана Николаевича и взвизгиванье дѣвокъ. Рыбы было дѣйствительно много, и въ установившейся тишинѣ все чаще и чаще чувствовались ея толчки о тѣло. Стоять было холодно, мы начинали дрожать.

Послышался рѣзкій грохотъ по доскамъ моста, и телѣга, доѣхавши до его середины, остановилась.

— Богъ въ помощь! Чевой-то вы цѣпь раскинули? — спросилъ всѣмъ знакомый казакъ сосѣдней станицы, которую дразнили «сомами».

— Не гомони! Не видишь что ли: сомовъ ловимъ, — сердитымъ, дрожащимъ отъ холода, голосомъ проворчалъ Петръ.

— Ты смотри, парень, а то я тебя кнудомъ-то перепояшу; сомовъ ловимъ! Вострякъ нашелся; а самъ, какъ мокрый сурокъ подъ дождемъ!

Въ рукѣ Петра взвизгнула палка и ударившись о перила моста упала возлѣ меня въ воду. Гулъ и скрипъ досокъ моста подъ удалявшейся телѣгой, громкій побѣдный смѣхъ казака покрывался тяжелой кудрявой руганью Петра.

Но вотъ раздался протяжный свистъ Ивана Николаевича и мы, обрадованные возможностью согрѣться, двинулись впередъ. Палками, руками и ногами мы бурлили

воду, брызгали, кричали, падали и снова поднимались, спѣша не отстать другъ отъ друга. Въ тишинѣ лѣтней ночи наша водяная вакханалія могла казаться чѣмъ-то дикимъ, но это и былъ первый «запудъ».

Увлеченные бурною стремительностью, мы добросовѣстно выполняли нашу задачу, пока сердитый окрикъ Ивана Николаевича не остановилъ насъ:

— Тише, дьяволы! Тутъ рыбищи страсть приперло — бредня не удержишь. Дѣвки, загибай плечомъ къ берегу. Помогай ребята!

Очевидный успѣхъ запуда, наше шумное возбужденіе внесли общее оживленіе и веселье: всѣ говорили кричали, смѣялись...

Въ суживающемся треугольникѣ воды, между берегомъ, стѣною бредней и нами, рыба кипѣла, металась, ударяясь о наши тѣла, перебрасываясь черезъ бредни.

Яркіе, серебряные блески маленькихъ рыбокъ трепетали въ выброшенныхъ на песокъ бредняхъ и по берегу рѣки.

До края нагруженные рыбой ведра были счастливой добычей запуда. Предстояло повтореніе, но надо было дать время успокоиться рѣкѣ и людямъ.

Высоко поднявшаяся луна таинственно украшала теперь чудную родную картину. Выше и наряднѣе вырисовывалась станица надъ рѣчнымъ обрывомъ, напоминая неприступную крѣпость. Непроницаемой казалась стѣна темнаго, густого лѣса; сказки шептали огромныя лѣнивыя колеса мельницъ; узоромъ живого серебра играла рѣка.

Съ торжествомъ яркаго луннаго свѣта разливалось торжество юнаго неукротимаго порыва веселья. Вдали по песчаной косѣ слышались крики, пѣсни, визгъ, смѣхъ затѣявшей игры молодежи.

Шутки-ли ради соблазнительница-луна такъ рельефно выдѣляла теперь и безъ того пышныя, упругія формы молодыхъ дѣвокъ, наряжая шелковымъ блескомъ ихъ мокрыя, облипшія кофты и юбки. Добродушной улыбкой поощряла она проказы этой ночи!

Мое положеніе барченка страшно меня тяготило, и

робость мѣшала мнѣ слиться съ веселой толпой. И мнѣ оставалось только мечтать, сидя съ Петромъ, съ которымъ я былъ всегда откровененъ.

— А какъ ты думаешь, Петръ, пойдетъ за меня Анютка, когда я вырасту?

— Еще бы не пошла за ученаго да за богатаго; только не подходитъ она тебѣ: ей въ мужья надо браваго урядника, ай вахмистра, а тебя она срамитъ будетъ; какъ она была Анютка Дурнохарева, такъ и останется; эту не передѣлаешь.

Эта обычная уличная кличка, непонятная мнѣ (ея фамилія — Маслова), оскорбляла до глубины души мою робкую нѣжную мечту о ней; упоминаніе объ этомъ всегда отзывалось во мнѣ болью.

— А почему ее такъ скверно прозвали?...

— Какъ?

— Да какъ ты называлъ сейчасъ... по уличному...

— Дурнохарева-то? Да ты не знаешь что ли ея дѣда, Данилу: толстомордый, да страшущій, — ажъ быки пугаются...

— Васятка, поди сюда, — слышался голосъ Анютки.

Съ трепетнымъ волненіемъ влюбленнаго подошелъ я къ ней, отдалившейся въ сторону отъ всѣхъ. Вѣроятно, моя чрезмѣрная скромность и смущеніе передались ей. Мы долго молчали.

— Ты чего же не приходишь теперь играть съ нами? Ученый сталъ, зазнался?

Какъ объяснить было ей то, чего я не понималъ самъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я робко и искренно.

— Ты на кого же учишься? На попа, ай на офицера?

— Не знаю.

Опять долгое молчаніе.

— Если попомъ выйдешь, али чиновникомъ въ мужичьей одежѣ, — сюда лучше не показывайся: засмѣютъ.

Въ тотъ моментъ я былъ полонъ ея безхитростнымъ рѣшеніемъ моей судьбы.

Настойчиво собираетъ Иванъ Николаевичъ разгуляв-

шуюся молодежь и въ томъ же порядкѣ, но ниже по рѣкѣ, продѣлывается второй запудъ, давшій гораздо меньшій успѣхъ.

Раздѣливши затѣмъ всю рыбу на равныя кучки по числу участниковъ и поконавшись на длинномъ веревочномъ поясѣ Ивана Николаевича, мы отправились по домамъ.

Наше оживленіе растворялось въ величавой тишинѣ яркой лунной ночи. Мы молчали.

Бодрящій холодокъ густого влажнаго воздуха, усталость, лѣтний монотонный шумъ воды въ плотинѣ, ворчливо охранявшій покой станицы, все обѣщало крѣпкій сладкій сонъ.

Мое маленькое глупое сердце не поддавалось обаянію тишины вселенной. Нашъ робкій разговоръ съ Анюткой, ея близость, теплота соприкасавшихся рукъ на дужкѣ несомата нами ведра, заставляли радостью трепетать мое нѣжное сердце.

Надолго запечатлѣлась эта картина полного счастья на фонѣ тишины и покоя этой ночи!

Спали пустыя улицы станицы, спали сверкавшія бѣлизною низкія избы, придавленные большими сѣрыми шапками высокихъ соломенныхъ крышъ.

Молитвеннымъ покоемъ вѣяло отъ возвышавшейся громады церкви съ яркими блесками на вершинахъ крестовъ.

Только вдали слышались частые, рѣзкіе звуки трещотки ночного сторожа Лукича, настолько стараго, что, казалось, эти тревожные звуки служили для него спасеньемъ отъ вѣчнаго покоя.

Рѣдкіе, глухіе удары церковнаго колокола вѣщали полночь.

Все спало. Тишина...

В. Крюковъ.

Парижъ, 1924.

СТЕПЬ.

I.

Вокруг просторъ пустынный и безбрежный,
А тутъ шалашь, бакшевникъ-дѣдъ глухой,
И запахъ дынь неуловимо-нѣжный,
И трескъ кузнечика въ огудинѣ сухой.
Арбузь не вкусенъ вяло-тепловатый;
И я смотрю, прищурившись слегка,
Какъ медленно плывутъ кусками легкой ваты
Въ глубокомъ небѣ мимо облака.

II.

Пустынно стало за гумномъ и голо.
Снопы въ скирду свалили у плетня;
И запахомъ укропнаго разсола
Пропитанъ воздухъ солнечнаго дня.
Лишь воробьевъ, въ пыли купаюсь, стайка
Одна на улицѣ. О, страдная пора!
Съ кадушкой огурцовъ хлопочетъ молодайка,
И слышенъ крикъ ея съ сосѣдняго двора.

III.

Сижу съ утра сегодня на конѣ,
Но лѣнь слѣзать, чтобъ подтянуть подпруги.
Борзой кобель, горбатый и муругій,
Рыситъ покорно рядомъ по стернѣ.

Я знаю, этотъ день, не первый и не новый,
Собой не завершить теперь въ степи мой путь...
И вспомню послѣ остро какъ-нибудь
И эти облака и запахъ чебрецовый.

IV.

Закатъ окрасилъ облака
И легъ въ рѣкѣ отсвѣтомъ рыжимъ.
Плотва склевала червяка, —
Мой поплавокъ давно недвижимъ.
Струить въ лицо степная тишь
Послѣдній хмѣль благоуханій,
Гляжу на сохнуцій камышъ
И не мечтаю о сазанѣ.

Николай Туровѣровъ.

КУБАНСКАЯ СТАРИНА.

НАБАТЬ

Сѣдлайся вновь, мой вѣрный конь —
Затѣмъ снова жизнь лихую.
Мнѣ опостыль ауль родной,
Я въ немъ въ бездѣйствіи тоскую.

Слыву наѣздникомъ лихимъ,
Зовутъ меня Хаджи-Омаромъ.
И шашки лезвиемъ крутымъ
Не разсѣкаль я воздухъ даромъ.

I.

— Ну что? Какъ? Спросилъ я только что вошедшаго въ комнату старика-вѣстового, всего занесеннаго снѣгомъ.

— Да вотъ, сами видите, Ваше благородіе: — буря крѣпчаетъ, дѣло къ вечеру, атаманъ опасается за лошадей и ямщика и просили: — нельзя ли, молъ, обождать до утра.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, сходи еще разъ, скажи, что ѣду завтра, да возвращайся скорѣе; напою тебя, старина, чаемъ и поможешь мнѣ тутъ вотъ кое-что развязать.

Старикъ-казакъ вышелъ. Онъ отбывалъ при станичномъ правленіи очередной нарядъ за сына, отлучившагося изъ станицы по дѣламъ и, по обычаю, какъ только я пріѣхалъ и остановился на общественной квартирѣ, содержащейся въ каждой станицѣ на общественныя средства, такъ его прислали ко мнѣ вѣстовымъ.

Пріѣхалъ я въ станицу еще утромъ по служебнымъ дѣламъ, порѣшилъ ихъ всѣ къ обѣду и собрался было ужъ ѣхать дальше, какъ внезапно разыгралась снѣжная буря и ѣхать 25 верстъ до слѣдующей станицы, — дѣйствительно стало невозможно. Загудѣлъ колоколь на станичной колокольнѣ, чтобы дать сбившимся съ пути хотя бы направленіе.

II.

Черезъ четверть часа возвратился и мой вѣстовой. Хозяйка внесла самоваръ и все, что къ нему полагается, я усадилъ старика за столъ и налилъ ему чая.

— «Ну вотъ пей, старикъ, чай, грѣйся, да расскажи мнѣ чтонибудь изъ стараго. Какъ вотъ поселялась ваша станица, что ли, бывали ли набѣги Черкесовъ на нее. Все это, вѣрно, при тебѣ было? Такъ вотъ — что помнишь.

— Какъ же, Вашбродъ, помню все. Я тогда былъ подросткомъ. Я полагаю, что и вамъ извѣстно, какъ населяли тогда новыя линіи казачьими станицами. Жили мы на Кубани и пришло, значить, и намъ распоряженіе отъ начальства — выселить столько-то вотъ семействъ на новую линію, — на рѣку Лабу. Черкесовъ, стало-быть, съ праваго берега отгѣснили, аулы ихніе пожгли, ну вотъ и надо теперь закрѣпить эту рѣку казаками. Вызвали охотниковъ, а какъ ихъ неостало, — бросили жребій. Потомъ всѣхъ насъ съ семьями и имуществомъ собрали въ одну колонну, дали двѣ сотни казаковъ, двѣ пушки, всѣхъ насъ вооружили и... съ Богомъ. Было это въ началѣ 50-хъ годовъ, ранней весной. Прибыли мы такимъ порядкомъ въ назначенное мѣсто, на крутомъ высокомъ берегу Лабы. Выставили на бродахъ заставы, а за Лабу послали разъѣзды, на броды навели пушки и принялись за работу. Сперва-на-перво окопали будущую станицу глубокимъ рвомъ, по угламъ насыпали батареи для пушекъ, оставили только четыре просвѣта, а на нихъ крѣпкія ворота. Разбились на партіи: одни валить лѣсъ, рубить хворостъ, другіе рѣзать камышъ на крыши, третьи тамъ еще куда нужно — и такъ черезъ два-три мѣсяца поставили хаты и сараи, загородили дворы, наносили и навозили сѣна на всю зиму, посѣяли яровые хлѣба.

Первые два года выдавался еще казенный паекъ, а потомъ уже и своего хлѣба дѣвать стало некуда, такъ онъ немолоченый стоялъ годами въ скирдахъ и одоньяхъ.

вокругъ станицы. Земля была вольная, недѣленная, паши и сѣй, гдѣ хочешь и сколько хочешь. Вотъ только работать въ полѣ было неспособно. Опасно, значить. Протрубить съ зарею трубачъ по станицѣ — выѣзжаешь, значить, въ поле. Караулы и разъѣзды, значить, уже высланы. Вечеромъ опять трубачъ, ну и вали всѣ въ станицу, потому что черезъ часъ отойдутъ въ станицу всѣ караулы и разъѣзды.

Такъ и зажили помаленьку. Черезъ два года поставили церковь, прибылъ скоро и священникъ, а въ скорости привезли и повѣсили на колокольню и колокола. Подарилъ ихъ намъ князь Г-нъ: крѣпко любилъ онъ нашихъ казаковъ, бывалъ съ ними во многихъ бояхъ. Долго шли къ намъ колокола, что-то мѣсяцевъ 5—6, ѣздили за ними довѣренные старики, наконецъ привезли, а съ ними прибылъ и какой-то старикъ, неизвѣстнаго рода и званія. Таинственный человѣкъ былъ этотъ старикъ. Прозывался онъ Сидорычемъ. Говорить — не казакъ, а все обличіе и поведеніе имѣлъ какъ бы казачье. Да и что не казаку дѣлать среди казаковъ? Православный, а не только что табаку не выносилъ даже на улицѣ, но и водки стаканъ даже въ праздники себѣ не разрѣшалъ. Ничего про себя онъ никогда не говорилъ, да и вообще ничего самъ не расспрашивалъ и въ разговоры самъ первый не вступалъ. Спросишь его, бывало, что, — остановится, если шелъ, оглядитъ тебя внимательно, помолчитъ немного и тогда отвѣтитъ, спокойно, резонно, повернется и пойдетъ своей дорогой. Въ остальномъ прочемъ человѣкъ былъ правильный. Прибылъ это онъ съ колоколами, да такъ при нихъ и остался. Присмотрѣлись къ нему старики и назначили его церковнымъ сторожемъ. И кстати. Все бывало возится, чистить и прибираетъ онъ, то въ оградкѣ, то въ церкви, то на колокольнѣ. Колокола свои онъ любилъ особенно: чистилъ и ходилъ за ними, какъ баба за своими горшками не ходитъ. Съ колоколами онъ даже разговаривалъ, когда одинъ на одинъ съ ними оставался, и всякій колоколъ имѣлъ у него свое названіе. Самый маленькій онъ называлъ «снѣгиремъ». Хотя, правду сказать, снѣгирь птица и не совсѣмъ что бы пѣвчая, ну а все жъ та-

ки, куда ни шло; слѣдующій по величинѣ за нимъ назывался уже «Кобчикъ». Оно, конечно, и кобчикъ — тварь Божія, а все же, сами знаете, — птица хищная и для колокола будто даже обидная. Слѣдующій за ними, — уже не помню, — кажется, «Подгудокъ». Потомъ второй по величинѣ меньше перваго фунтовъ всего только на 7—8 — назывался — «Ненужный». Это уже севсѣмъ непонятно. Въ самый большой колоколъ Сидорычъ звонилъ только въ большіе праздники, а въ дни воскресные, на пожаръ, тревогу, или тамъ еще зачѣмъ, за него всегда отбывалъ повинность вотъ этотъ самый «ненужный». Самый большой колоколъ назывался «Громобой», хотя, судите сами, какой же это громобой, когда всего то вѣсу въ немъ было 38 пудовъ 24 фунта. Ну ужъ такъ окрестилъ колокола свои Сидорычъ, а за нимъ звали ихъ такъ и мы, т. е. всѣ мальчишки и подростки въ станицѣ.

III.

Такъ вотъ зажили мы, прикопляя хлѣба, скота и лошадокъ. Пошелъ уже шестой годъ нашей станицѣ. Черкесы первые два года все еще пытались переходить на нашъ берегъ для грабежей и разбоевъ, но въ концѣ второго года, какъ-то ихъ переправили къ намъ что-то около 300 наѣздниковъ, они и напали на нашу станицу, но мы свѣдали объ этомъ черезъ лазутчиковъ раньше и задали имъ такой отпоръ, что много ихъ полегло, а еще больше утонуло въ Лабѣ, т. к. мы отогнали ихъ отъ брода, куда они было ударились на утекъ. Мы и сами переправились на ихъ сторону, пожгли всѣ ближніе аулы. Съ тѣхъ поръ всѣ эти аулы отошли подальше, такъ что съ вышекъ на бродахъ видны только дымки ихнихъ трубъ, а какіе остались — объявили себя мирными. Со временемъ эти мирные стали ѣздить къ намъ по 3—5 ч., больше не разрешалось. Завели кунаковъ (знакомыхъ) и наши въ ихнихъ аулахъ, иначе все же береглись мы. Все казалось, что партіи эти пріѣзжаютъ не столько, чтобы промѣнять

своихъ барановъ и коровъ у насъ на хлѣбъ, а сколько высмотрѣть, да развѣдать. Въ концѣ третьяго года, двѣ сотни казаковъ, которые охраняли насъ, ушли, оставили намъ только одну пушку, и станица стала охраняться своими силами. Выше и ниже станицы на Лабѣ было два брода, верстахъ этакъ въ трехъ-пяти. Противъ нихъ были поставлены караулъ-хатки, сарайчики для лошадей и вышки для часовыхъ, а на караулахъ этихъ человекъ по 4—5 казаковъ, да въ станицѣ при правленіи всегда стояло посѣдланыхъ лошадей 20—30, и при нихъ вооруженные казаки по очереди (резервъ-называлось это), — да вотъ и все.

Какъ то въ концѣ лѣта, когда поля были убраны, бакши свезены и арбузы и тыквы свалены на чердакахъ, былъ жаркій праздничный день. Все служивое-строевое, а это въ тѣ поры отъ 18 до 40—45 лѣтъ, казачество было вызвано на смотръ въ сосѣдную, большую станицу, верстъ за 25 отъ насъ. Старики, отстоявъ обѣдню, порѣшили въ правленіи всѣ станичныя дѣла, разошлись по домамъ, пообѣдали и позавалились спать, а только подростки да неугомонныя дѣвки собрались кучками, въ яркихъ нарядахъ своихъ на площади, у лавки появивнагося у насъ недавно торговца, Николая Ивановича, грызли сѣмячки, орѣшки, да водили хороводы. Все спало въ станицѣ; разморенный жарою уснулъ и часовой на вышкѣ у нижняго брода. Въ резервъ при правленіи въ этотъ день также были назначены подростки, хотя въ тѣ поры не только подростки, но и бабы и дѣвки умѣли владѣть и ружьемъ и пашкой не хуже заправскаго казака, ну а все же народъ еще не доспѣлый, ненадежный. Партія черкесовъ съ дальнихъ ауловъ, не безъ участія и «мирныхъ», которые все развѣдали въ станицѣ и оповѣстили не мирныхъ, человекъ въ 200, пользуясь балками, перелѣсками, камышами, подобралась къ броду, тихо переправилась, перерѣзала спящій постъ и часового и понеслась въ станицу; только часть ихъ — человекъ 30 — бросилась въ степь захватить скотъ и лошадей.

Все спало въ станицѣ, да не спалъ дѣдъ Сидорычъ. Возился онъ, по обыкновенію своему, на колокольнѣ, со

своими колоколами и во-время замѣтилъ опасность и загудѣлъ на этотъ разъ уже въ свой Громобой. Всполошились проснувшіеся старики, подростки и даже бабы и схватились за оружіе, но черкесы уже вскочили въ станицу. Перво-на-перво часть ихъ бросилась хватать и вязать къ сѣдламъ дѣвокъ. Добыча цѣнная на турецкихъ базарахъ. Да не очень-то дались имъ и дѣвки. Какъ стоя голубей, когда намѣтитъ на нее кобчикъ, бросились онѣ въ рассыпную, — кто куда попалъ. Красавица и запѣвала на всю станицу — Ариша — бросилась домой, за нею поскакалъ черкесъ. Ариша вбѣжала въ хату, когда тамъ никого не было. Какъ бѣлка, влетѣла она на чердакъ, но и черкесъ, бросивъ на дворѣ коня, полѣзъ за нею по лѣстницѣ. Да не растерялась бой-дѣвка. Схватила она здоровенный арбузъ и бросила его въ его голову бритую. Пошатнулся черкесъ и опять лѣзетъ, но второй, третій арбузы и тыквы, сбили его съ лѣстницы. Набрался онъ еще силъ вылѣзти на дворъ, но тамъ свалился безъ чувствъ, а подоспѣвшіе подростки добились его изъ его же пистолета. Другая дѣвка, маленькая, худенькая и тихая Груня, дочь станичнаго писаря, съ перепугу бросилась бѣжать на Лабу, за нею также погнался черкесъ, догналъ ее у самаго берега, подхватилъ на сѣдло и полѣзъ въ воду, но Лаба на этомъ мѣстѣ глубока и течетъ быстро, а конекъ подъ нимъ плохенькій. Бойтеся черкесъ и коня потопить и самому сгинуть. Закрутился на берегу и не знаетъ, что дѣлать. Но знаетъ, что дѣлать, Груня. — «Слушай, кунакъ», — говоритъ она, — «Вѣдь я давно къ вамъ хочу; и вѣру вашу приму, и замужъ за черкеса выйду. посади меня сзади за сѣдло и поскачемъ на бродъ, а тамъ и въ аулъ, я вѣдь, затѣмъ и на рѣку бѣжала, а не спряталась». Черкесъ такъ и сдѣлалъ, а дѣвкѣ только того и надо было. Выхватила она изъ за пояса у черкеса пистолетъ, какъ носили тогда и казаки и черкесы за спиною, и влѣпила зарядъ въ бритый затылокъ кунака. Спихнула съ сѣдла мертваго, пересѣла въ сѣдло и понеслась къ скирдамъ съ хлѣбомъ, взобралась тамъ по перевязямъ на одонокъ, разобрала

овершье, закопалась тамъ съ головою и отсидѣлась такъ до конца тревоги.

Въ станицѣ пока же шла стрѣльба. Черкесы похватили и приторочили къ сѣдламъ многихъ дѣвокъ и ребятъ. Многіе изъ нихъ разбрелись по станицѣ, но изъ хать ихъ били на выборъ. Въ дома они боялись лѣзть, а скотъ и лошади были въ степи.

IV.

Между тѣмъ строевые казаки, отбывшіе благополучно смотръ, возвращались домой. Просили они стараго вахмистра своего — Кузмича — дозволить купить своимъ гостинцевъ да чего, по хозяйству, въ своей станицѣ купить было нельзя, но не дозволилъ онъ имъ этого, а, поднявъ сотню съ зарею, вышелъ на дорогу. Чужало ли что старое сердце? Безпокоило ли его то, что первый разъ за все время, какъ жилъ въ станицѣ старикъ Сидорычъ, передъ самымъ уже отходомъ изъ своей станицы, подошелъ онъ къ Кузмичу и самъ первый заговорилъ: — Вы ужъ, Кузмичъ, того, не задерживайтесь тамъ послѣ смотра, а поторапливайтесь назадъ, знаете — не ровень часъ»... Вспомнилъ онъ и то, какъ тутъ же онъ оборвалъ старика: «Ну, ты еще, каркай тутъ, старая ворона! и безъ тебя знаемъ». Но только шелъ онъ домой полнымъ ходомъ, рѣдко-рѣдко давая конямъ передышку.

Стала видна уже вышка на верхнемъ броду, когда замѣтили, что отъ караула во весь духъ скачетъ казакъ. Слышно стало по вѣтру, что какъ будто въ станицѣ гудитъ колоколь. Что за оказія? Даже «Громобой» какъ будто бы, а дыму не видно. Подскакавшій казакъ все объяснилъ. Съ вышки давно замѣтили тревогу въ станицѣ, а по дорогѣ двигающуюся сотню своихъ.

Разомъ сообразилъ Кузмичъ, что дѣлать. Выдѣлилъ онъ человѣкъ 30 съ приказомъ спѣшить переправиться черезъ верхній бродъ и по лѣвому скакать на нижній и занять его съ черкеской стороны, а самъ съ остальными

силами переменными аллюрами пошелъ на станицу. Когда казаки ворвались въ станицу, черкесы не жидали этого. Побросавъ добычу и бросивъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, они бросились на утекъ къ воротамъ на нижній бродъ. Партія черкесовъ, выдѣленная для отгона скота и лошадей, нашла только скотъ. Лошади отъ мухъ и оводовъ забрались въ балку, въ бурьяны, а бурьяны на мягкихъ мѣстахъ, гдѣ разъ уже пахали и бросили, росли въ тѣ поры такіе, что табунъ, головъ въ 200, забравшись въ нихъ, совсѣмъ тамъ прятался что въ лѣсу.

Пошлютъ тебя, бывало, въ такое время въ табунъ, такъ если лошадь изъ табуна взята давно, такъ мимо табуна проѣдешь, табуна не выдавши, и домой ни съ чѣмъ вернешься. Не найдя табуна и захвативъ скотъ, партія погнала его на бродъ. Человѣкъ 10 впереди стада, остальные по бокамъ и сзади. Неохотно шло на бродъ стадо, все оно разбѣгалось и наровило опять въ степь. Возни и потери времени съ ними было много. Но вотъ черкесы подогнали скотъ уже къ броду, какъ вдругъ залшъ, другой. Это высланные на этотъ бродъ Кузмичемъ казаки заняли его. Залшы, конечно, свалили нѣсколько черкесовъ, но кое-что попало и по стаду. Сполохнулось стадо и съ ревомъ, задравъ хвосты и поднимая тучу пыли, понеслось съ копыта въ станицу и поспѣло къ воротамъ какъ разъ въ то время, когда черкесы, удирая изъ станицы, сбились въ кучу, по ту сторону воротъ. Тутъ вотъ и накрылъ ихъ Кузмичъ, а что успѣло прорваться — наскочило на заставу на броду. Мало вернулось къ себѣ въ аулы наѣздниковъ.

Жаль побитыхъ на нижнемъ посту четверыхъ казаковъ, жаль и парня — часового, убитаго на вышкѣ, а все же хорошо, что не слѣзъ онъ живымъ съ вышки Горькая доля ждала его въ станицѣ. Никогда не забыли бы ему грѣха его. Ни одинъ старикъ не отвѣтилъ бы при встрѣчѣ на его почтительный поклонъ. Ни одна дѣвка не улыбнулась бы ему, ни одинъ казакъ не сказалъ бы съ нимъ ни слова, а если бы и сказалъ, такъ лучше бы полоснулъ кинжаломъ подъ сердце. И пришлось бы ему долго и долго замаливать грѣхъ свой и добывать

славы казачьей одному, за Лабю, по черкескимъ степямъ. И только слава о его наѣздахъ да подвигахъ повернула бы опять къ нему сердца станичниковъ. Вернула бы, да только нужна ли была она ему тогда. Вотъ не про такихъ ли абрековъ и пѣсня у насъ поется. И старикъ въ полголоса затянулъ пѣсню:

«За Кубанью рѣкой по долинушкѣ
Тамъ казакъ коня пасъ — на аркашину*).
А напасши коня, на чумбуръ вязалъ,
Ковыль травушку рвалъ, на костерь собиралъ,
Шашкой вострой — огонекъ выкресалъ.
Онъ водичку нагрѣвалъ — свои раны промывалъ.
— Ужъ вы раны, мои раны больныя,
Ужъ вы кровью сошли, вы до сердца дошли.

Передъ смертью сталъ казакъ приказывать коню:

Ужъ ты конь мой, конь, ты товарищъ боевой,
Ты бѣжи, мой конь, по дорожкѣ, по прямой,
Къ отцу — матери родной, и къ женѣ молодой,
Ты скажи имъ, мой конь, что женился я на другой женѣ,
Что сосватали насъ шашки вострыя,
А вѣнчали насъ пули быстрыя».

Старикъ допилъ свою десятую чашку чая, перевернулъ ее на блюдечкѣ вверхъ дномъ, а на донышко положилъ недогрызенный кусочекъ сахара и заявилъ: «Покорнѣйше благодаримъ». Неоспоримый знакъ, что гость доволенъ.

Было поздно. Пора спать. Буря злилась.

А. Гейманъ.

*) Арканъ — веревка изъ конскаго волоса для ловли лошадей въ табунахъ и для боевыхъ пѣлей.

КАЗАКУ.

Ты — сынъ степей, донская грудь тебя
вскормила
И нравомъ гордымъ одарила
Степного, вольнаго орла...
Просторъ небесъ—души твоей отрада,
А степь безбрежная — твой тронъ;
Орла тамъ всё страшатся взгляда,
И всякій знаетъ твой притонъ.
Мятежный духъ не знаетъ страха,
Гроза и бури — твой покой;
Навстрѣчу имъ изъ царства праха
Ты рвешься дерзкою мечтой.
Блеснувъ крыломъ въ дневной лазури,
Ты направляешь свой полетъ
Въ страну, гдѣ тьма, гдѣ злятся бури,
Гдѣ торжествуетъ мракъ и гнетъ.
Не слышно тамъ ужъ клетота степного,
Орлы не рвутся въ небеса, —
И смолкли клича боевого
За вольность бранны голоса...
Но пусть гроза, пусть буря злится,
И мракъ мѣшается съ огнемъ —
Ты шквала жизни не боишься,
Ты мыслишь объ одномъ:
Въ оковахъ Донъ, бряцаютъ цѣпи,
Въ огнѣ и тучахъ небеса,
Молчитъ курганъ и стонуть степи,
Орлины смолкли голоса...
Лети жъ туда, грозѣ навстрѣчу,
Любовь тамъ къ вольности буди,
Бросайся въ бой, кроваву сѣчу —
Погибни или побѣди!!

В. Владыкинъ.

СТЕПИ.

Легли они ширью великой,
Легли межъ глубокихъ морей.
Гордились волею дикой
Просторы безбрежныхъ степей.
Здѣсь Игоря грозныя рати
На гибель Господь осудилъ,
И трупами «русичей» гати
Половецъ коварный мостилъ.
И двигались орды Батыя,
И грабилъ и жегъ Тамерланъ.
Здѣсь Кругъ зародился впервые
И съ нимъ — Войсковою Атаманъ.
И славную дикую волю
Родила безкрайная ширь,
Коваль здѣсь завидную долю
Зипунный боецъ — богатырь.
И съ вера страшная сила —
Московская грозная рать —
Къ границамъ степей подходила
И вновь обращалася вспять.
Здѣсь турки увидѣли чудо —
Не сдался имъ крѣпкій Азовъ.
Ермакъ Тимофеичъ отсюда
Повелъ за Уралъ казаковъ.
Съ красавицей гордой княжною
Потѣшился Разинъ Степанъ.
Тряхнувши старушкой Москвою,
Погибъ Пугачевъ Емельянъ.
Великою смутой впервые

Узнала Москва казаковъ;
И гордо въ станицы родныя
Вернулся на Донъ Межаковъ.
За вольную волюшку бился,
Но гнетомъ суровыхъ годинъ
Раздавленный, здѣсь застрѣлился
Среди степи родной — Булавинъ.
И, вѣрный всегда Атаману,
Завѣты прадедовъ храня,
Направилъ въ Добруджу къ султану
Некрасовъ Донского коня.
Рожденный Донскою волною,
Графъ Платовъ, сынъ вольныхъ степей,
Сталъ лагеремъ твердой ногою
Среди Елесеискихъ полей.
И Яковъ Петровичъ Баклановъ,
Свершая по-горски намазъ,
Заставилъ турецкихъ султановъ
Забуть навсегда про Кавказъ.
И славились степи родныя,
Великихъ рождая сыновъ,
И ширили грани Россіи
Полки удалыхъ казаковъ.
Здѣсь слава и воля родились,
И выросъ казакъ удалой;
Здѣсь пѣсня-былина сложилась,
Навѣяна ширью степной.
Свободой гордились степи,
Степь вольною вѣчно была —
И рабства позорныя цѣпи
Она никогда не несла!
Надъ степью туманъ опустился...
Какъ нѣкогда палъ Булавинъ,
Такъ выборный нашъ застрѣлился
Донской Атаманъ — Калединъ.
Призывовъ его не слышали: —
За нимъ казаки не пошли...
И степи мы въ рабство отдали,
И чести своей не спасли...

Теперь насъ осталось немного,
Насъ степи родныя зовутъ;
Хоть разнятся наши дороги —
Но всѣ онѣ на Донъ ведутъ!
Исполнены братской любовью,
Изъ волчьихъ повылѣзши норъ,
Мы смоемъ горячею кровью
Отчизны минутный позоръ.
Растутъ пусть могилы-курганы —
Мы скажемъ: достойныхъ сыновъ
Рождали себѣ Атаманы
Ермакъ, Булавинъ, Межаковъ.

П. Поляковъ.

НА ПОСТОЯЛОМЪ ДВОРѢ.

Красное зимнее солнце зашло. Уже на темномъ южномъ небѣ появилась яркая луна. Тихая морозная ночь начиналась. Веселые огоньки зажглись по станицѣ, и то тамъ, то сямъ уютно звали къ своему теплу. Станица расположилась на бойкомъ проѣзжемъ шляху, и по главной проѣзжей улицѣ непрерывной лентой тянулись въ обѣ стороны сани: въ городъ везли убоину, а обратно захватывали учениковъ на рождественскія каникулы.

— «Ты же, Степановичъ, все-одно ѣдешь въ городъ — свинину везешь, — захвати оттуда моего Петю, — онъ въ кадетахъ учится» — уговаривалъ папаша торговца, — «оно къ тому же и недалеко отъ «Казачьяго Подворья» до кадетскаго корпуса».

— «Да оно, конечно, уважить можно, да знаешь, братъ, время мoгетъ не указать».

— «Да мы ужъ тебѣ цѣлковый, только доставь въ цѣлости».

И Степановичъ соглашался и набиралъ 3—4 «учениковъ», получая съ родителей за благополучную доставку, — благо, что ѣхалъ изъ города порожнякомъ.

На главной проѣзжей улицѣ, чуть ли не черезъ два дома, размѣщались постоянные дворы, которые обозначались длинными деревянными шестами съ навязанными на нихъ пучками сѣна. Нѣкоторые предприимчивые хозяева дѣлали изъ подручнаго матеріала вывѣски — въ родѣ «Пастаялай двор Ростов», «Казачій покой» или «Лазоревай цвѣтокъ съ намирами». Въ Филишовку, и въ особенности въ послѣднюю недѣлю передъ Рождествомъ, все было переполнено. Хозяева, конечно, имѣли

запасы всякой снѣди и, само собой разумѣется, живительной влаги.

— «Эй, хозяинъ, пустишь, ай нѣтъ», стучить проѣзжій кнутомъ въ ворота.

— «Да, братецъ, ужъ такъ полно, что своимъ пришлось отказать». Послѣ недолгаго разговора проѣзжему въ лучшемъ случаѣ открываются ворота, или онъ ѣдетъ дальше искать ночлега.

Степанъ Долганинъ везъ изъ города двухъ «рїялистовъ» и двухъ барышень-гимназистокъ. Утомленные долгой дорогой и изрядно перемерзнувшіе, пассажиры то и дѣло спрашивали:

— «Никитичъ, скоро на постоянный заѣдемъ?»

— «Погодите, ребята, какъ скоро, такъ и сейчасъ»

— хитро улыбаясь, отвѣчалъ онъ, зная отлично, что на другомъ краю станицы (а она тянулась версты на три) ему все-равно ночлегъ обезпеченъ у Прокофьича; вѣдь онъ у него постоянный гость, дѣлавшій за зиму такихъ рейсовъ 15—20, да и проѣздомъ въ городъ онъ сказалъ, что будетъ обратно или сегодня, или завтра.

А станица все тянулась: ужъ и церковь давно проѣхали, и терпѣніе пассажировъ приходило къ концу.

Наконецъ, почти уже у самаго края, Никитичъ повернулъ лошадей къ высокому забору съ воротами и остановился.

— «Ну, вотъ и прїѣхали, заразъ чай будемъ пить», весело онъ кинулъ своимъ пассажирамъ, которые только этого и ждали и сейчасъ же повыскакивали изъ саней въ большихъ отцовскихъ шубахъ и начали бѣгать отогрѣваться.

— «Ты, Анжинеръ, — на, поддержи», давая одному изъ мальчугановъ вожжи, буркнулъ Никитичъ, а самъ сталъ стучаться въ ворота.

— «Здорово дневали».

— «Слава Богу».

— «Мы, братъ, тебя нынче не ждали. И то нынѣ съ бабкой гутарили, она говоритъ, что ты завтра долженъ быть проѣздомъ. Что, ученыхъ везешь? Полно, братъ, погляди, — ужъ не знаю, какъ сани поставишь».

— «Да я, братъ, съ краю, все-одно завтра пораньше думаю двинуться, — паны мои нихай въ пути зорюють».

— «Ну, скорѣй въ хату, «ученые», грѣться» — кинулъ онъ своимъ пассажирамъ, которые побѣжали слѣдомъ за Прокофьевичемъ. Никитичъ сталъ распрягать и давать лошадямъ сѣно. Черезъ нѣкоторое время онъ вошелъ въ первую комнату, гдѣ было уже полно людей, и перекрестился на образа.

— «Здорово дневали; какъ дѣла Анисимовна? — обратился онъ къ хозяйкѣ, возившейся около печки и подававшей на столъ, около котораго сидѣло человекъ в обѣдающихъ, весело разговаривающихъ между собой, казаковъ».

— «Да слава Богу. Мы тебя ныня не ждали, я такъ и думала, что ты завтра препожалуешь. Ёсть то хочешь, небось?»

— «Да поѣсть оно, конечно, надо, ты тамъ штець налей, а я салыца достану; да можетъ чего для теплоты найдется?» — подмигивая лукаво, попросилъ Никитичъ.

— «И чего же ты въ постъ, да еще передъ самымъ праздникомъ, маханъ лопаешь! Бога бы побоялся», — серьезно возразила Анисимовна.

— «Ты же знаешь, что «плавающие и путешествующіе», — чего ужъ тутъ не ёсть мяса: — взялъ, чего сподручнѣй. Да дай же сороковку, а то весь чисто законѣлъ».

— «Ну-да, заразъ принесу, только нѣтъ мово добраго слова, что въ Филиповку маханъ жрешь», не унималась Анисимовна и пошла доставать «живительнаго».

Никитичъ тѣмъ временемъ подсѣлъ къ столу и сталъ поддерживать прерванный его приходомъ разговоръ. Говорили о городскихъ новостяхъ: про австріяка, который войну затѣваетъ, про пушку, которая на сорокъ верстъ бьетъ, про живыя картины, какъ народъ по полотну бѣгаетъ — чисто живой, про цѣны на мясо, на свинину и т. д. Никитичъ изрѣдка вставлялъ свое слово и реагировалъ на тѣ или другія сообщенія и все время присма-

тривался къ рослому чернявому казаку, сидѣвшему на-противъ — онъ какъ будто угадывалъ его и боялся ошибиться. Наконецъ, какъ бы осмѣлившись, обращаясь къ нему, спросилъ:

— «А вы какихъ станицъ будете?»

— «Кочетовской», отвѣтилъ тотъ, обративъ вниманіе на Никитича.

— «А чьи будете?».

— «Хроловъ Михайль. А чиво?».

— «Да мнѣ чивось-то ваша полиція дюже знакомая; сдается мнѣ, что мы какъ будто гдѣ съ-то встрѣвались».

— «Могеть быть, отвѣтилъ тотъ, а вы какихъ станицъ?».

— «Мы — Кумшацкой».

— «А служили идѣ?».

— «У номеръ девятымъ, а вы идѣ?».

— «Мы у Замостыи, у батареѣ».

— «Ну, теперь я вамъ скажу, станичникъ, что мы видались, и скажу гдѣ: на окружныхъ маневрахъ, мы еще были вмѣстѣ, для связи при штабѣ корпуса».

— «Ну да, конечно. Вѣрно ты, брагъ, запримѣтилъ, — я какъ-разъ помню — у тебе конь былъ гнѣдой, ты еще жалковалъ, что ногами шпагуить».

«Да, вѣрно, добрый конь былъ, да съ изъяномъ, а службу всю дослужилъ на немъ, да и дома еще долго служилъ, — замѣтилъ Никитичъ. — «Ну, что жъ? Выпьешь стаканчикъ для встрѣчи? Вѣдь ужъ почитай годовъ десять прошло, а вотъ встрѣтились, да еще гдѣ — на проѣздѣ», наливалъ онъ рюмку водки своему новому пріятелю.

— «Да давай еще потребуемъ. Радъ ужъ больно я, Анисимовна, дай-ка еще одну», заказалъ Никитичъ.

Фроловъ сѣлъ рядомъ съ Никитичемъ, и полилась теплая дружеская бесѣда о быломъ; вспоминали маневры, вспоминали сослуживцевъ и, какъ водится среди казаковъ, чуть не договорились до «сродствія».

— «А вѣдь мы съ тобой почти родня», весело заявилъ Никитичъ.

— «То-ись какъ?».

— «Да такъ. Ты же, мржетъ, помнишь, у насъ въ сотнѣ служилъ Иванъ Хведоровичъ, вахмистръ, сверхсрочной онъ былъ, твой станичникъ. А я былъ взводнымъ перваго взвода и, конечно, въ дружбѣ состоялъ. Ну вотъ, его жена родила, такъ я кумомъ былъ, крестилъ. Да, рассказалъ ему, какъ мы съ тобой для связи ходили. Такъ онъ мнѣ говорить, что ты ему племянникъ».

— «Да какъ же: онъ мово отца сестру родную, твою куму, значить, Алену Стефановну, держить».

— «Да, доброй души человѣкъ. А пишетъ чиво?».

— «Да рѣдко, но пишетъ. Дослужился до подпоручаго, доволенъ. Твой креснай Ванюшка ужъ у гимназію поступилъ, учиться».

— «Ну, будете отписывать ему, почтеніе пропишите отъ кума Никитича, онъ вспомнитъ».

Сидѣвшіе вокругъ стола казаки тоже подвыпили и были умилены такой встрѣчей.

— Да, братъ, оно такъ. Гора съ горой не сходится, а человѣкъ можетъ», прибавилъ одинъ.

— «Да особливо у насъ въ казачествѣ. Оно выходитъ — какъ будто всѣ казаки въ сродствіи состоятъ».

Бесѣда пошла оживленнѣе. Участіе принимали всѣ, рассказывали эпизоды изъ военной службы, и всѣ просили Анисимовну прибавить живительнаго. Она покачивала головой, но, привыкшая къ шуму, охотно подавала водку, и все удерживала Прокофьевича, который усѣлся за столъ и принималъ живое участіе въ разговорѣ.

— «А гдѣ теперь Василій? Забылъ — чей онъ, — твой станичникъ, что съ тобой для связи пріѣзжалъ, разбитной казачекъ былъ», спросилъ Фроловъ.

— «Это черный, что со мной былъ?».

— «Ну да, онъ самый».

— «Сенюткинъ онъ по фамиліи. Живетъ у станицѣ, по хозяйству хорошо управляетъ. Только съ нимъ оказія антиресная вышла на службѣ, — такъ его въ станицѣ по уличному прозвали Трахтенбреховъ».

— «Какъ? Почему?».

— «Да, братъ, послѣ нашихъ тѣхъ маневровъ поступилъ онъ въ учебную команду; окончилъ ее, ну, значитъ, получилъ двѣ гайки и въ вицахъ состоялъ, — значитъ, взводнаго дожидался получить. Тутъ въ полкъ пришла бумага, что черезъ городъ долженъ проѣзжать какой-ся дюжа большой генераль изъ нѣмцевъ, дюжа трудная хвამилія, такъ что даже и выговорить здорово трудно. Какъ-то — баронъ Раухъ Трахтенбергъ, или въ этомъ сортѣ. И генераль дюжа строгай былъ и любилъ, чтобы казаки, и которые не казаки, всѣ знали полной титулъ съ фамиліей.

Налетить, значитъ, въ городъ на казака, да сразу:

— Кто я такой?

Конечно, трудно и не выговоришь. А онъ дюжа сердитый и, значитъ, прямо арестъ, потому начальства не знаешь, да и ухватки нѣту. Ну, какъ прослухало начальство, что пріѣдетъ въ полкъ, и забезпокоилось. Ну, значитъ, нарядъ надо показать, какъ слѣдуетъ. Стали выбирать людей. Вахмистръ прямо на Сенюткина показалъ: вотъ, говоритъ, его надо къ воротамъ поставить, потому — бодрый казакъ. А онъ крикомъ кричитъ: не надо, господинъ вахмистръ — просить — потому все равно собоюсь, и можетъ скандалъ выйтить, а что лычки слетятъ, такъ это шанецъ вѣрный. Вахмистръ и разговаривать не сталъ, — назначилъ, да и все. Дали ему записку, чтобы, значитъ, выучилъ, кто такой.

— Вы изволите быть, Ваше Высокопревосходительство, командиромъ такого армейскаго корпуса, генераль-отъ-кавалеріи баронъ Раухъ Трахтенбергъ, — ходитъ бѣдный Сенюткинъ, а самъ учить, а самъ учить. Ужъ и выучилъ, а все жалкуеть:

— Ну, братъ, пропали мои лычки, чисто сна лишился. Просить вахмистра освободить, а тотъ и слухать не хочетъ. Ну, значитъ, подошелъ день, какъ ему пріѣхать, идетъ онъ заступать, а самъ чуть не плачить, потому — дюже трудно. Сталъ. Показались, значитъ, коляски, а на нихъ генераль съ командиромъ полка и много офицеровъ. Ну, значитъ, рапортъ. А онъ сигналы, да рапортъ

какъ «Отчу» зналъ, — отрапортовалъ. Генералу здорово, должно, понравилось, какъ онъ рапортовалъ.

— Здорово, станичникъ, — говоритъ.

А онъ какъ гаркнетъ:

— Здравія желаю, Ваше Высокопревосходительство!

Командиръ полка стоитъ да радуется — вотъ мои казаки! А генераль къ Сенюткину: кто я такой?

— Вы изволите быть... и значить все хорошо и гладко, пока не дошелъ до хвამиліи, а тутъ, значить, и началась самая оказія: Раухъ Наухъ заухъ, а дальше не выходить. Чи забылъ, чи потерялся, только сердце загорячилось, а онъ съ досады какъ махнетъ правой рукой, которой честь держалъ:

— Ху, будь ты проклята, такъ и говорилъ еще вахмистру, чтобы не назначалъ, — пропали мои гайки.

Командиръ полка позеленѣлъ, а генераль чисто весь разгрохотался, — такъ оно вышло здорово чудно. Да и вѣрно вѣдь, отъ всей досады сказалъ, насупротивъ устава пошелъ, потому не сдержалси. Генераль самъ грохочить, а самъ говорить: да, станичникъ, хвамилія моя чижолая, вѣрно. И такъ и прошелъ въ полкъ. И все время веселай былъ. Потомъ командиру сотни передалъ цѣлковый, — говоритъ: передай этому казаку, что мне не осилилъ. А самъ, говорятъ, потомъ вовсе не сталъ спрашивать свою титула.

А командиръ сотни зоветъ Сенюткина и говоритъ:

— Вотъ тебѣ цѣлковый, генераль передалъ, а ты у насъ будешь Трахтенбреховъ именоваться. Ну, значить, и пошла эта имя, и въ станицѣ такъ зовутъ. А Сенюткинъ получилъ потомъ взводъ, а домой такъ Трахтенбреховымъ и вернулся. Вотъ, братъ, какія оказіи бывають на военной службѣ.

— «Ну, увидишь его — передай почтеніе: може, помнитъ мне.

Разсказъ о Сенюткинѣ все время прерывался то смѣхомъ, то своими замѣчаніями и всѣ удивлялись, какъ значить человѣку «ваканъ можетъ выйтить».

— «Ну, не спѣтъ ли намъ чево», — предложилъ одинъ изъ сидящихъ.

— «Ну, кто? Заводи чево-нибудь».

Начали: «Сказали про Польшу», — и жалобно, заунывно потекла пѣсня. Звонко заливался Никитичъ своимъ высокимъ подголоскомъ.

— «У насъ на Дону не по-вашему, не ткуть не прядуть, хорошо ходють»...

За ней пошли пѣсни одна за другой, и только Анисимовна, которой не давали спать, строго заявила:

— «Ну, будя, братцы, завтра рано вставать».

— «Да оно и вѣрно, резонъ баба говорить, пора отдохнуть».

Казакѣ встали, начали собираться спать, расчигываться съ хозяиномъ. Кто пошелъ дать сѣна конямъ. А черезъ полчаса сонъ поборолъ всѣхъ. Слышалось мѣрное дыханіе.

Постоялый дворъ спалъ.

К. Михайленковъ.

ТѢНИ ПРОШЛАГО.

Ковыльныя степи...
Трава-мурава...
Курганы съ цвѣтами...
Небесъ синева...
Широкое поле —
Далекій просторъ...
И ночью алмазный
На небѣ коверъ...
И тишь и раздолье...
Порой колыхнетъ
Красою степною
Шалунъ-вѣтерокъ.
И шепчутся травы,
Шуршать ковыли, —
О волѣ-просторѣ
Вздыхаютъ они...
Предъ ними бывшее
На полѣ встаетъ —
Великое время,
Великій народъ...
Походы и битвы
Безсчетныхъ дружинъ...
Скуластый татаринъ...
Руси славянинъ...
Гортанныя пѣсни
И звуки рѣчей...
Могучія руки
И стук мечей...
Кольчуги, шелома...

Проклятыя въ устахъ...
И сабли кривыя,
Арканы въ рукахъ...
Каленыя стрѣлы...
Оружія блескъ...
И кости широкой,
И черепа трескъ...
Ахъ, степи, вы степи,
Широкое поле,
Былая степная
Казацкая воля!
Истерзана ваша
Могучая грудь,
Стальной полосой
Прорѣзалъ васъ путь...
Изрыли ораломъ,
Лопатой, киркой
Край воли широкой,
Великій степной...
Остались лишь тѣни
О прошломъ сейчасъ —
Казацкія были
И пѣсни о васъ...

Томаревскій.

НА БЕРЕГАХЪ ДОНА.

(Отрывокъ изъ повѣсти).

Въ теченіе полумѣсяца Германъ Минаичъ Талаевъ ни разу не былъ въ станицѣ, проводя дни и ночи въ заставѣ. Служба была легкая, погодка держалась солнечная, тихая, въ лѣсу не чувствовалось ни жары, ни скуки особенной. Вотъ развѣ комары да мошкара донимали малость, но куда дѣнешься отъ этой «мелколетающей твари Господней?» Одно спасеніе отъ нея — костры разводить... Парнямъ-то, положимъ, и безъ костровъ было недурно: почти всѣ они табачище проклятый тянули. Некурящимъ же, въ томъ числѣ и Герману Минаичу, приходилось спасаться отъ «комарья» иными средствами: они вооружались вербовыми вѣтками и ими обмахивались постоянно, какъ самыми настоящими вѣерами. Стоялъ ли такой казакъ на посту, прислонясь къ корявому стволу вербы или тополя, сидѣлъ ли у костра въ заставѣ, въ рукахъ у него всегда вербовая вѣтка, съ которой онъ не разставался даже ночью, когда спалъ...

Сотня сильно разбросалась по берегу, охраняя участки чуть ли не въ двѣнадцать верстъ. Все время приходилось быть на чеку... Съ ночи на ночь ждали отместки «товарищей» и къ этой отместкѣ готовились. Съ вечера до полусотни казаковъ разсыпалось патрулями, непрерывно лазившими по заросшему густымъ таломъ берегу Дона; посты усиливались и увеличивались въ числѣ, такъ что разстояніе между ними, по сравненію съ дневнымъ, сокращалось вдвое, втрое и даже вчетверо. То

и дѣлю слышались настороженные, тревожно-грозные окрики часовыхъ:

— Кто идетъ?

— Станица, — немедленно раздалось въ отвѣтъ условное.

— А-а, это ты, Егоръ? — уже спокойно говорилъ часовой и добавлялъ: — А я думалъ — «товарищи»...

Тревожное настроеніе, царившее на позиціи, не раздѣлялось, кажется, однимъ Германомъ Минаичемъ. Всѣ эти дни онъ хранилъ удивительное спокойствіе и самое веселое расположеніе духа. Добросовѣстно отбывъ свой чередъ, онъ приходилъ съ «часовъ» на заставу, присаживался къ огоньку и затѣвалъ съ молодежью бесѣду. Обычнымъ содержаніемъ подобныхъ бесѣдъ была прошлая станичная жизнь... Въ ней Германъ Минаичъ умѣлъ находить такъ много хорошаго, что парни заслушивались рассказовъ старика и, когда онъ замолкалъ, долго приставали къ нему съ просьбой — еще рассказать немножко.

— Нѣ, будя, ребятки. Спать пора, — отговаривался Германъ Минаичъ. — Неровень часъ, сила потребуется... А гдѣ ее возьмешь, коль не поспишь?

Случалось, что за позднимъ временемъ свободные отъ наряда казаки спали. Тогда Германъ Минаичъ перекидывался нѣсколькими словами съ дежурнымъ и, не торопясь, начиналъ «разсупониваться», то-есть снимать патронташи, вещевую или «харчевую» сумку и шашку, послѣ чего, усердно помолившись Богу, ложился спать.

Какъ-то разъ, къ только что помолившемуся передъ сномъ старику подошелъ и присѣлъ на разостланную шинель Туркинъ. Какъ начальникъ заставы, онъ большую часть ночи проводилъ на берегу, лично провѣряя бдительность часовыхъ.

— Ложишься, Минаичъ? — улыбаясь, спросилъ онъ.

— Ложусь, Левантей Матвѣичъ, ложусь, — весело, какъ всегда, отвѣчалъ старикъ, приспособливая харчевую сумку, полную сухарей, подъ изголовье. — На зарѣ вставать надо, на смѣну выступать мнѣ... Сычасъ я въ родѣ какъ бы лезерва какого, — усмѣхнулся ста-

рикъ, — отдохну, поваляюсь трошки, а тамъ опять на службицу къ Дону-Батюшкѣ выйду.

Онъ съ видимымъ наслажденіемъ растянулся и съ свѣтлой улыбкой взглянулъ на задумавшагося урядника.

— О чемъ думки, парнишка? — ласково спросилъ онъ съ фамиллярностью, которая такъ естественна и хороша у старыхъ людей.

— Боюсь, Минаичъ, какъ бы Задѣнцы къ намъ не пожаловали. Ночь-то сегодня такая темная...

— Не посмѣютъ они совершить этого... Будь покоенъ, урядничекъ — увѣренно возразилъ Германъ Минаичъ. — Мы имъ надѣсь такого перцу задали, что полгода еще чхать будутъ. Тоже, вояки...

Туркинъ помолчалъ съ минуту, низко опустилъ голову, словно въ глубокой задумчивости, и тихо, со вздохомъ, проговорилъ:

— Такъ-то оно такъ, Минаичъ... А только чувствую я, что замышляютъ что-то красногвардейцы. Ужъ больно подмываетъ меня какъ-то всего... Да и ночь къ тому же сегодня какая-то особенно темная.

Онъ всталъ и подбросилъ въ костеръ сушняку. Пламя вспыхнуло ярче и неровнымъ свѣтомъ своимъ озарило на мгновеніе поляну съ разбросанными по ней спящими фигурами казаковъ.

— Это у тебя, Левантей Матвѣичъ, потому, что ты не спишь по ночамъ, — горячо говорилъ Германъ Минаичъ. — Какой шутъ носить тебя по постамъ всю ночь? Что ты, какъ кобель какой, стерегешь ребятъ? Думаешь — проспять супостатовъ? Шалишь! Такіе герои не спятъ... духомъ донесутъ, коль замѣтятъ что...

Туркинъ ничего не отвѣтилъ на горячую рѣчь старика и, молча, усѣлся на прежнее мѣсто.

— Приходили патрули отъ хорунжаго? — спросилъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія.

— Были, — отвѣчалъ Германъ Минаичъ. — Покурили и подались назадъ. Его благородіе велѣлъ почаще къ Рамовскимъ посылать.

— Я послалъ туда Павла и Петра Халаткина. Скоро должны бы вернуться.

Разговоръ оборвался. Туркинъ, положивъ голову на поднятыя колѣни, немигающимъ взоромъ смотрѣлъ на огонь. Германъ Минаичъ безпокойно ворочался съ боку на бокъ и поминутно зѣвалъ, крестя ротъ и шепча Иисусову молитву... Но вотъ и онъ, наконецъ, утомонился... Должно-быть задремалъ. Тишина настала полная. Въ сонномъ воздухѣ раздавалась по временамъ далекая перекличка голосистыхъ озерныхъ «турлукъ», да надъ тлѣющимъ медленно костромъ звенѣлъ иногда, пролетая, комаръ... Со всѣхъ сторонъ доносилось сонное дыханіе и храпъ казаковъ. Слѣва отъ задумавшагося Туркина послышался трескъ ломаемыхъ вѣтвей и людской говоръ. Изъ лѣса, кольцомъ охватывавшаго поляну, вынырнули двѣ фигуры — то были дежурный по заставѣ, онъ же и разводящій — Илья Цыганокъ — и смѣненный имъ съ поста Ефимъ. Парни подошли къ костру и молча усѣлись.

— Ну, что? Благополучно? — спросилъ ихъ Туркинъ.

— Какъ-будто по-хорошему все, — отвѣчалъ Цыганокъ. — Ничего не замѣтили...

— Темная ночка, — проговорилъ Ефимъ, тревожно озираясь по сторонамъ. — Идешь и щупаешь, все боишься въ яму какую-то попасть.

Онъ вдругъ привсталъ и прислушался.

— Чего ты, Ефимъ? Услыхалъ что-нибудь? — заинтересовался Туркинъ.

Ефимъ не отвѣчалъ и продолжалъ вслушиваться. Потомъ сѣлъ и съ явнымъ раздраженіемъ произнесъ:

— Не люблю я, Леванидъ Матвѣичъ, темъ. Все чудится, что кто-то крадется къ тебѣ, кто-то хочетъ...

Онъ не кончилъ и снова насторожился.

— Ничего, такъ, — встряхнулъ онъ головой и, криво усмѣхнувшись, отчего его блѣдное красивое лицо измѣнилось до неузнаваемости, какимъ-то сдавленнымъ голосомъ, почти шопотомъ, началъ:

— Цѣльныхъ два часа стоялъ я надъ Дономъ... И

душа у меня не на мѣстѣ была... Плеснетъ вода — баркасъ представляется, вѣтка хруснетъ — идетъ кто-то... И все стрѣлять хотѣлось. Не къ добру это... Никогда такого не случалось со мной.

Съ Ефимомъ дѣйствительно творилось что-то неладное. Отъ жизнерадостнаго, вѣчно смѣющагося, молодого казака, смѣльчака и извѣстнаго станичнаго храбреца, ничего не осталось въ этомъ блѣдномъ, все время озирающемся по сторонамъ, ко всему прислушивающемся парнѣ. Туркинъ, самъ испытывавшій въ эту ночь какую-то смутную тревогу, какое-то необъяснимое, ни на минуту его не покидавшее безпокойство, хорошо понималъ настроеніе Ефима.

— Пустяки, вмѣшался вдругъ въ разговоръ, незамѣтно для казаковъ проснувшійся, Германъ Минаичъ. — Зря что вы, ребятки, духъ свой теряете... Давича взводный, сейчасъ ты, Ефимъ. Чего они, скажите на милость, намъ сдѣлаютъ? Службу несемъ мы правильно, стережемъ Донъ не хуже псовъ какихъ. Чего вамъ еще надобно? Да и не посмѣютъ красноголовцы ночью напасть на насъ...

— Можетъ, можетъ, — торопливо согласился Ефимъ. — Я тебѣ, Германъ Минаичъ, ничего не говорю. Вотъ только впервой это со мной... Душа у меня не на мѣстѣ. Убьютъ меня, должно, этой ночью. Не зря мнѣ все казалось, что «товарищи» переправляются.

— Знаешь что, Ефимъ? — серьезнымъ, почти начальническимъ тономъ произнесъ вдругъ Туркинъ. — Иди-ка ты домой. Дѣло дрянное, если ты такъ безпокоишься.

— Куда? — удивился Ефимъ, — домой? въ станицу? ночью? чтобъ дѣвки посла засмѣяли? Уволь, Леванидъ Матвѣичъ. Лучше я тутъ перебуду. Чему быть — того не миновать...

Тревожный разговоръ незамѣтно взвинтилъ у всѣхъ нервы.

Даже Германъ Минаичъ, во всѣхъ случаяхъ до сего времени хранившій необычайное присутствіе духа, и тотъ поддавался общему настроенію. Ворча что-то про «не-

христей», мѣшающихъ добрымъ людямъ спокойно отдыхать, онъ всталъ, вооружился шомполомъ и, почесываясь, началъ мѣшать въ кострѣ жаръ. Тысячи искръ высоко взметнулись кверху.

— Матвѣичъ, — круто повернулся отъ костра старикъ. — А ежели красноголовцы въ самомъ дѣлѣ переплывутъ на нашъ бокъ — накладемъ мы имъ? а?

— Должны накласть, — не могъ не улыбнуться Туркинъ.

— То-то, — одобрительно кинулъ Германъ Минаичъ, добавивъ: И я такъ смекаю, что, ежели они осмѣлятся, опять накладемъ имъ, какъ надысь.

— Теперь это труднѣй сдѣлать, Минаичъ, — возразилъ Туркинъ: — Надысь сотня въ кучѣ была, а теперь она на двѣнадцать верстъ раскидалась... На мѣстѣ большевиковъ я бы зѣвнуть сотнѣ не далъ и сразу выгналъ бы ее изъ лѣса. Посуди самъ: насъ четыре заставы, каждая охраняетъ три, три съ половиной версты берега. Вотъ у насъ сорокъ человекъ во взводѣ, а на лицо десятокъ какой-нибудь. Остальные же надъ Дономъ, въ темнотѣ, по кустамъ, одиночками. Замѣтятъ они, скажемъ, баркасъ съ товарищами, выстрѣлятъ въ нихъ разъ-другой — и наутекъ. А соберутся ли вмѣстѣ? Кабы это днемъ было, другой и разговоръ былъ бы... А ночью — тово...

И Туркинъ покачалъ головой.

— Я вотъ теперь думаю, — продолжалъ онъ, — что мы будемъ дѣлать, если полсотни товарищей переправятся на нашу сторону? Развѣ съ десяткомъ казаковъ удержишь ихъ?

— Удержимъ съ Божьей помощью, — бодрился Германъ Минаичъ, — На каждого изъ насъ по пять красныхъ гвардейцевъ? Справимся.

Смѣшливый Цыганокъ весело пыркнулъ при послѣднихъ словахъ старика.

— Чего ты? — огрызнулся Германъ Минаичъ. — Не побѣдишь пятерыхъ красногвардейцевъ? Какой же ты опосля этого казакъ? Эхъ ты...

Цыганокъ залмился пуще прежняго...

Ефимъ продолжалъ сидѣть въ настороженной позѣ и все, казалось, прислушивался къ чему-то.

— Чего, это я все слушаю? — съ тоскливымъ недоумѣніемъ, досадливо спросилъ онъ. — Слушаю и слушаю, будто поджидаю чего-то.

— Нерва скрыпить, — лѣниво проронилъ Германъ Минаичъ. — Новая, говорятъ, болѣзнь... У молодыхъ больше. Въ наше время такой не было.

Гулкій выстрѣлъ рѣзко нарушилъ ночную тишь. Эхо подхватило его и на тысячу ладовъ передало по лѣсу.

Туркинъ, Цыганокъ и смертельно поблѣднѣвшій Ефимъ вскочили, какъ ужаленные. Раздался еще выстрѣлъ.

— Буди взводъ, Минаичъ, и жди насъ, — крикнулъ Туркинъ нѣсколько опѣшевшему отъ неожиданности старику. — Ай-да ребята, къ Дону. Стрѣльба на четвертомъ или пятомъ посту.

Молодые казаки мигомъ исчезли съ поляны.

Минаичъ живо растормошилъ казаковъ, объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло, вооружился и сталъ ждать.

Снова бухнуло впереди.

— Ай въ самъ-дѣлѣ задонскіе гости? — удивленно воскликнулъ Германъ Минаичъ. — Вотъ нехристи-то. Да кто же это по ночамъ шляется? Развѣ это порядокъ?

Казаки, обступившіе костеръ и съ просонья еще какъ слѣдуетъ не пришедшіе въ себя, засмѣялись.

— А ты, Германъ Минаичъ, думаешь, что «товарищи» позволенія у тебя спросятъ — когда напасть? Ишь, какой, — сказалъ кто-то изъ нихъ, и всѣ снова разсмѣялись.

— Чего вы зубы скалите, желтогубые, — прикрикнулъ на нихъ старикъ. — Знаю, что не спросятъ, а только по ночамъ негоже на сонныхъ людей нападеніе дѣлать.

— Въ самый разъ, не спи. На то война, — возразилъ, зѣвая, Никаноръ. — И чудака же ты, Минаичъ, — лѣниво продолжалъ онъ, — то не по тебѣ, другое негоже... На войнѣ, братъ, все гоже.

Старикъ собирался уже затѣять споръ, но въ это время на поляну быстро вышли изъ лѣсу два казака.

— У васъ стрѣльба? — спросили они. — Хорунжій Машкинъ спрашиваетъ.

— Подождите маненько, ребята, — предложилъ патрулямъ Германъ Минаичъ. — Сейчасъ Левантей Матвѣичъ придетъ и все вамъ доложитъ. Онъ на развѣдку пошелъ. У васъ-то по-хорошему ли? — спросилъ онъ.

— Покуда по-хорошему все... Мы это сидимъ себѣ, а оно ка-акъ дунеть. У Туркина, — говоритъ хорунжій. Бѣгите, ребята, справьтесь, въ чемъ суть-дѣло... Вотъ мы и пришли.

— Милости просимъ. Садитесь, закуривайте, коли тютюнь имѣете, — добродушно угостилъ Германъ Минаичъ, сразу вошедшій въ роль хозяина заставы. — Скоро Левантей Матвѣичъ подойдетъ.

Дѣйствительно, минутъ черезъ десять-пятнадцать, явился съ казаками и Туркинъ, запыхавшійся отъ быстрой ходьбы и утиравшій потный лобъ рукавомъ рубахи.

— Къ четвертому посту будто баркасъ подплывалъ, — объявилъ онъ. — Постовые дали по выстрѣлу, онъ отошелъ отъ берега и подался внизъ. Вотъ и все.

— Говорятъ, даже слышно было бабайки, — добавилъ Ефимъ замѣтно волновавшійся.

— Ишь супостаты, — сердито проворчалъ Германъ Минаичъ, разглаживая бороду. — Не зря ты, выходить, Ефимъ, нерву свою распустилъ.

— Я даве тебѣ про то и толковалъ, — отвѣчалъ парень. Онъ съ трудомъ крутилъ цыгарку, — пальцы не слушались и рвали бумагу.

По уходѣ патрулей, съ которыми Туркинъ послалъ хорунжему короткое донесеніе о стрѣльбѣ, казаки усѣлись вокругъ костра и стали выжидать. Но прошло полчаса, часъ — все было спокойно.

— Показалось, должно-быть, ребятамъ, усмѣхнулся Туркинъ. — Съ перепугу и бабайки услышали.

— Это бываетъ, — подтвердилъ Германъ Минаичъ

и, придвинувшись поближе къ огню, заговорилъ: — Со мной разъ случилась такая оказія... Да...

Старикъ остановился, пожевалъ бороду и оглядѣлъ слушателей, какъ бы спрашивая ихъ: продолжать что-ль?

— Ну?

— Да... Полѣзъ я, значитъ, въ горнѣ... Съ покойнымъ, — царство ему небесное, родителемъ горшки мы выжигать собирались. А дѣлу этому годовъ сорокъ, аль поболѣ, будетъ, не въ пмять ужъ мнѣ теперича... И зачѣмъ полѣзъ я въ горнѣ, тоже не упомяну... Да. Надьсь вотъ...

— Тѣфу, ты! Да ты рассказывай скорѣй, какая оказія-то случилась? — нетерпѣливо воскликнулъ Цыганокъ.

— Не люблю я стариковъ за это вотъ самое, — хмуро произнесъ Никаноръ. — Нѣтъ-чтобъ сразу разъяснить, въ чемъ дѣло. Начнутъ вспоминать то, да другое.

— Не перебивайте, пожалуйста, ребята, — остановилъ парней Туркинъ. — Куда спѣшите? Пусть хоть до утра рассказываетъ.

— Не люблю я стариковъ, — возмущенно передразнилъ Никанора Минаичъ. — А тебя-то кто любитъ, ш-шаня бѣлогубая? Ишь.

— Брось ты, Минаичъ, рассказывай, коль началъ, — попросилъ старика Ефимъ.

— Рассказывать-то нечего, — недовольнымъ тономъ началъ Минаичъ. — Я къ тому хочу склонить, что иной разъ такую, прости Господи, чертовщину за хвактъ примешь, что ажныкъ удивительно опосля станеть. Вотъ, къ примѣру, полѣзъ я въ горнѣ. Ночью было дѣло... Дошелъ я кое-какъ, оцупкой, до кладки и вдругъ чую, хоть и не вижу, что предо мной стоитъ самъ горновой. Это вродѣ какъ бы домового. Теперича они первелись, а въ тѣ поры ихъ было очень даже много, и они пошаливали порядкомъ. У одного горшки побьютъ, у другого огонь потушатъ, у третьяго сводъ обрушатъ или горшки пережгутъ, хоть выбрасывай... И бѣсъ-то пустяковый изъ себя былъ. Днемъ онъ совсѣмъ безвредный и такой

маленькій становился, что въ карманъ его схоронить можно было. Покойный родитель мой, бывалыча, какъ выпьетъ, такъ все по махоткамъ горнового искалъ. Подкрадется тихонько къ махоткѣ, окститъ ее сверху и смотритъ — тамъ горновой али нѣтъ. Дюже хотѣлъ онъ доставить вреднаго бѣса благочинному... Ну, вотъ. И какъ учуялъ я горнового, такъ и рѣшилъ: погибъ, молъ. Хочу молитву какую вспомнить, — ни одна на умъ не идетъ, руку поднять лобъ перекстить — не то не догадался, не то не могъ. Что дѣлать? И слышу я — духъ нехорошій такой пошелъ — горновой говоритъ мнѣ: «Зачѣмъ, говоритъ, Германъ, меня потревожилъ? Хорошо, говоритъ, доси мнѣ было; двѣсти лѣтъ никто меня не тревожилъ»... Ужъ не помню, какъ я и выскочилъ изъ горна. Добѣгъ до родителя, разбудилъ его поскорѣй. «Батюшка, говорю, пойдемъ въ горнъ, тамъ дьявольщина какая-то завелась». Всталъ мой родитель, сотворилъ крестное знаменіе, вздулъ огонь, поглядѣли мы въ горнъ — ничего. Показалось, видно. Такъ и нонче, должно, съ баркасомъ, — закончилъ Германъ Минаичъ.

Посидѣли еще съ полчаса. Ничто не нарушило тишины лѣтней ночи.

— Одначе, спать хочется, — потянулся Германъ Минаичъ. Мнѣ, вѣдь, утромъ на постъ идти. Разбуди-ка меня, Игнаша, на зорькѣ, — попросилъ онъ Цыганка. — Тебѣ все равно не спать.

— Хорошо, ложись, Минаичъ, разбужу, — пообѣщаль Цыганокъ.

Мало-по-малу разговоры прекратились совсѣмъ. Казаки одинъ за другимъ позаснули. У костра остались только Цыганокъ да Ефимъ, изрѣдка обмѣнивавшіеся короткими фразами.

Ночь проходила. Сильно свѣжѣло. Съ каждой минутой воздухъ становился прохладнѣй. Надъ лѣсомъ тихимъ шорохомъ-вздохомъ пронесся вѣтерокъ. Съ Дону дохнуло влагой. Начинался разсвѣтъ. Несмотря на поддерживаемый все время Ефимомъ большой огонь, замѣтно стало небо, сильно посвѣтлѣвшее. Яснѣе различались тополя.

Пришли отъ Рамовскихъ Павло и Петро Халаткинъ. Разказали, что дѣлается у сосѣдей, разспросили про стрѣльбу и завалились спать. Раза два навѣдывались патрули отъ хорунжаго, закуривали и уходили обратно.

Илья Цыганокъ, давно уже дремавшій у огня, вдругъ встряхнулся, всталъ, потянулся, зѣвая, и, обращаясь къ сидящему на корточкахъ Ефиму, проговорилъ съ удивленіемъ:

— Чего ты, Ефимъ, не спишь? Я бы на твоёмъ мѣстѣ давно храпака задавалъ.

— Не могу, Илюша, — грустно отвѣчалъ Ефимъ, не сводя глазъ съ огня, жадно лизавшаго сухія вѣтки. — Не могу... Тоска какая-то...

— Дѣвка, что ль, присушила? — весело разсмѣялся Илья. — Такъ не время теперь любовь разводить. Когда освободимъ область — тогда и на это время найдется.

Ефимъ помолчалъ и, нахмуривъ брови, отвѣчалъ нехотя:

— Не то, Илюша, не то... Не по томъ сердце борить.

— Ай испужался? — усмѣхнулся Илья и пристально посмотрѣлъ на блѣдное лицо своего «дружка». — Зачѣмъ, въ такомъ случаѣ, въ сотню пошелъ?

Ефимъ вздрогнулъ, словно его обожгло что. Загорѣвшимся взоромъ осмотрѣлъ онъ съ ногъ до головы Илью и тихо, съ трудомъ сдерживаясь, сказалъ:

— Грѣхъ тебѣ, Илья, говорить такъ... Не съ тобой развѣ я рядышкомъ все время сражался? Видалъ ты, чтобы въ чемъ отъ тебя отсталъ?

Илья смутился.

— Да ты не сердчай, — виноватымъ тономъ проговорилъ онъ. — Я въ шутку это, прости, братъ. Потому и въ диво мнѣ показалось, что ты жалишься на тоску, когда я знаю, что ты герой.

— И мнѣ самому это въ удивленіе, — обронилъ Ефимъ, при первыхъ же словахъ Ильи сразу успокоившійся. — Самъ чую, что пули не боюсь и жизни не жалко, коль въ бою ее обронить придется. А вотъ сосеть въ грудяхъ — и ничего не подѣлаешь.

— Зря ты поддаешься, Ефимъ. Скрѣпись и не горюй... Увидишь — обойдется все.

Ефимъ только вздохнулъ на слова друга.

— На посты пойдешь, Илья?

— Надо Минаича разбудить и на мѣсто доставить.

— Къ чему тебѣ дѣда водить, онъ и самъ дойдетъ, — сказалъ Ефимъ и сталъ трясти лежавшаго возлѣ него старика.

— Минаичъ, Минаичъ, вставай, красноголовцы, — шутливо вскричалъ онъ.

— Гдѣ? — быстро поднялъ голову старый казакъ.

— На томъ боку, — размѣялся Илья.

— Тьфу, чтобъ тебѣ, — плюнулъ съ досады Германъ Минаичъ и сталъ подниматься.

А можетъ и на этомъ, — прошепталъ Ефимъ. — Чую я...

— Чево говоришь? — переспросилъ Германъ Минаичъ и, не дождавшись отвѣта, обратился къ Ильѣ: — На какой постъ итти-то? На шестой или седьмой?

— Иди на седьмой, Минаичъ. Да присылай оттуда обоихъ ребятъ. Развиднѣлось уже и можно, стало-быть, дневные посты разстановлять по одному человѣку. Остальные посты я самъ смѣню. Ну, надо будить войско.

Вмѣстѣ съ Ефимомъ Илья сталъ поднимать очередныхъ казаковъ, а Германъ Минаичъ, подпоясавшись и надѣвъ шапку, скатывалъ шинель. Когда, не безъ нѣкоторыхъ усилій, ему удалось это сдѣлать, онъ надѣлъ черезъ плечо сумку съ харчемъ, на дняхъ пополненнымъ Михевниной посылкой, и бодро зашагалъ къ Дону.

П. А. Туркинъ.

ВЪ СТАНИЦЪ ПЕРЕДЪ БОЛЬШЕВИКАМИ.

(Набросокъ съ натуры).

Начало 1918 года. Кругомъ все уже захвачено большевиками. Утвердившись въ центрѣ Россіи и на огромныхъ пространствахъ ея, все сильнѣе и сильнѣе сжимаютъ они свое кольцо вокругъ Дона.

Наша станица находится подъ угрозой и переживаетъ тяжелые дни.

Тоскливо одной въ большой квартирѣ; около меня, въ кухнѣ, лишь вѣрный мой Личарда — Маша: небольшого роста, коренастая, краснощекая, бѣлокурая милостивидная казачка, всю свою жизнь прожившая въ глухомъ хуторѣ Ромашкинѣ и недавно впервые попавшая въ большую станицу, показавшуюся ей столицей.

Мужъ мой уѣхалъ въ Новочеркасскъ.

Изрѣдка, провѣдать и, кстати, узнать — нѣтъ ли чего новаго изъ Черкаска — заходятъ казаки — пріятели мужа.

Сегодня сидитъ у меня Игнатичъ, — пожилой, съ большой рыжей бородой, разумный казакъ, зажиточный хозяинъ, твердый, спокойный. Пришелъ съ гостинцемъ: чуть не до весны сохраняетъ онъ виноградъ и, развернувъ теперь красный платокъ, вынулъ двѣ кисти, — одну огромную, другую обычную, поменьше:

— «Привезъ табѣ гостинецъ... эту (поменьше) ты съѣшь сама, а эту не ѣшь — прибери ее: пріѣдетъ изъ Черкасскова, отдай ему».

Сидимъ за самоваромъ. Разговоръ, конечно, о «немъ», о большевикѣ, о комъ же больше?...

«Ты, Ивановна, отиши супругу — пушай тамъ, въ Черкасскомъ скажи правительству: большевика теперь гнуть надо, а то какъ онъ силу возьметъ, тады поздно будетъ. Теперь двухъ-трехъ заправоторить, а тады ихъ сила несиленная будетъ — тады ужъ не справить-ся; если ихъ теперь попустить — облаглѣютъ, и каюкъ намъ будетъ. — Вотъ хучь бы я, къ примѣру взять... У

мине на хуторѣ виноградникъ, возрожденный мной и женой; цѣльную жизнь мы съ бабой надъ нимъ трудились, спины не разгибали — вить, для сибѣ старались. — А какъ зачнетъ поспѣвать виноградъ, такъ каждую ночь «друзья» воровать лѣзутъ. Ну, конечно, возьмешь ружье и сидишь — караулишь... Попадется на мѣстѣ — и уложу, а дашь повадку — такъ и винограду не останется: и покушать не дадутъ. Вить, онъ затѣмъ же и лѣзить, и знаетъ, на что онъ лѣзить: либо стянуть, либо и такъ можетъ случиться, что и живой не уйдетъ. Убивать до смерти хучь и не доводилось, не бывалыча, зарядъ-другой влѣпишь, куды слѣдуить, дробью... Ну, толька, на другой день никто сибѣ не окажить и не заявить, что его обидѣли. Нѣ-ѣ, обиженнаго не найдешь: потому онъ знаетъ, что ему за это будетъ.

«А то — что-жъ это такое? Съ вечеру онъ, сукинъ котъ, полькю съ дѣвками бьетъ, а ночью на готовый виноградъ лѣзить? Для него приготовили. А я ему буду спущать? Нѣтъ ужъ, коли полѣзъ, такъ и получай, чаво табѣ слѣдовать... Одного, двухъ пугнешь, третій не полѣзить: будетъ знать, какъ ихняго брата примаютъ...

«Такъ-то вотъ и съ большевикомъ: его сычасъ прикрыть надо, покель онъ силу не взялъ, а тады позно будетъ».

Станица лихорадочно готовилась къ приѣму гостей — незванныхъ, непрошенныхъ...

Маша, недавно съѣздившая къ своимъ на хуторъ, привезла «достоверную» вѣсть, что на помощь «по-задонью валить князь Дундукъ: сила несиленная у него».

Маша волновалась: успѣетъ ли придти съ фронта ея Ванюшка, служившій въ 6 полку, о которомъ были слухи, что полкъ съ оружіемъ въ рукахъ пробивается въ родныя станицы.

Впервые выбравшаяся изъ глухого степного хутора,

ничего не выдавая, она всему удивлялась и съ недоувѣ-
ріемъ относилась къ рассказамъ о диковинахъ, которыхъ
она еще не видала. При уборкѣ комнатъ она боязливо
обходила въ кабинетѣ телефонный аппаратъ, въ кото-
ромъ несомнѣнно сидѣлъ самъ сатана; аэропланъ она
какъ-то по-своему поняла, отождествивъ его съ воздуш-
ными шарами, продававшимися для дѣтей на ярмаркѣ;
она представляла себѣ, какъ онъ можетъ полетѣть, но
чтобы въ этой штукѣ во время полета сидѣлъ человѣкъ
— переварить это было выше ея силъ: «въ кутырѣ-ѣ?
да какъ же это такъ? Ой, барыня, смяишься ты надо
мною».

Скоро Машу ждало испытаніе: въ станицѣ появился
автомобиль.

Сидѣла я однажды въ столовой, а Маша, въ угловой
комнатѣ, выходившей окнами на главную улицу, мыла
поль.

Вдругъ слышу крикъ:

«Барыня-а! Скорѣй, скорѣй! Бяги суды!.. Ты погля-
ди: телѣга безъ лошадей... И разрази мене Господь, вотъ
скрозь землю провалиться — пріѣхала безъ лошадей.

— Ой, Господи, да чаво жъ его такое?»...

Не отрываясь отъ работы, я стала было объяснять
Машѣ, въ чемъ дѣло, но въ это время автомобиль тихо
двинулся въ путь. Снова крикъ: — и изумленія и во-
сторга:

«Барыня, милая, да ты погляди... скорѣй бяги су-
ды... Сипить... Пошла... Пошла... Сама пошла — лоша-
дей нѣту — сама пошла».

Моторъ заработалъ сильнѣе, слышались разрыва-
ющіеся звуки — пх, пхх, бах-бахбах, — сзади показал-
ся дымокъ, и картина быстро измѣнилась: Машу охва-
тилъ паническій страхъ, она заметалась по комнатѣ и
закричала дикимъ голосомъ:

«Ба-а-рыня-а, ложись. Скорѣе ложись на поль: стря-
лять будетъ сычасъ, стрелять... Это орудія: она стря-
лять будетъ... Наскрозь прострѣлить курень и насъ по-
бьетъ съ тобой»...

Вижу эту картину: съ мокрой тряпкой, съ которой

стекаетъ вода, Маша, присѣдая, почти ложится на полъ, потомъ быстро вскакиваетъ и устремляется къ двери:

«Побяжимъ скорѣй въ низы... Минѣ рябятя говорили, что надо бѣчь въ низы, когда стреляють».

Маша успокоилась лишь тогда, когда автомобиль скрылся и все затихло. Изумленію ея не было границъ:

«Гля, чаво придумали. Тилѣги сами стали ходить — безъ лошадей... Барыня, ды ето не конецъ вѣку?».

Большевики подходили къ станицѣ.

Оставаться дома одной было жутко, и я рѣшила перейти къ знакомымъ. Собрала все болѣе цѣнное, набрала въ мѣшокъ и послала Машу отнести на другой конецъ станицы.

Маша заволновалась:

«И мине прибють и все добро отнять».

Я убѣдила ее, что на нее, простую казачку, несущую не чемоданъ, а мѣшокъ, никто не обратитъ вниманія, и она благополучно доставила все по назначенію, а вслѣдъ за нею пришла и я. Маша вернулась домой, а на другое утро пришла провѣдать меня и рассказала все, что было.

Когда Маша подходила обратно къ дому, улица и весь дворъ нашъ были уже заняты красногвардейцами, обвѣшанными пулеметными лентами, ручными бомбами и револьверами, у воротъ стояли два пулемета.

Машу охватилъ ужасъ. Отъ неожиданности она совсѣмъ растерялась, въ головѣ ея все перепуталось, она упала на колѣни и завопила:

«Рябятя-ты, не губите мине, я съ роду не большевичка, я... Я — Машка съ Ромашкина хутора, я честная женщина, у мине мужъ съ шастомъ полку, онъ хоропій — вѣрный казакъ, онъ съ оружіемъ пробиваются къ сабѣ на Донъ, и я баба не пляющая, не какъ инья-

прочія, и съ роду у мене не было друзей-бурдюговъ*), у мене трое дѣтей...

«Вотъ, видите, какіе на мнѣ гунышки-юбчишки: они хучь всѣ старенькія, да зато свои — заработанныя. Потому, какъ кто эту одежду нечестно зарабатываютъ, такъ она на немъ горитъ огнемъ-полымемъ (Маша залилась слезами). Вонъ, какъ Палагея низовая — вся въ шалковѣ шуршитъ, да она какъ въ огнѣ, а я женщина честная, и ради Христа васъ прошу: не трожьте мене, рябятюшки, я съ роду не большевичка».

Красногвардейцы гоготали: «ну, теперь мы тебя тутъ и застрѣлимъ». Все, однако, обошлось благополучно.

«Ну, ничаво, барыня, они рябята хорошіе: ничаво не сдѣлали, никакой вранды и никакъ мене не побили. Дали только съ размаху два раза по морди, да одинъ ишино подскочилъ: ка-а-къ дастъ-дастъ мене въ спину и говорить: — Ну, иди, дура проклятая, чтобъ мы твою и духу тутъ не видали. Я скорѣе кинулась къ сабѣ на верхъ, въ кухню, затворилась на заложку, да такъ и просидѣла цѣльный день и всю ночь — тряслась до утра».

Н. Ковылевъ.

*) Бурдюгами въ нѣкоторыхъ округахъ называли казаковъ мѣстной команды, обычныхъ «кавалеровъ» женской прислуги.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Отъ редакціонной комисіи Общества Взаимопомощи Студентовъ Лонскихъ Казаковъ во Франціи	3
Родимый Край	5
Въ походъ, на Азовъ! 1634 г.	7
Азовское сидѣніе	33
Родная быль	39
Ковыльный сказъ	41
Стихотвореніе Бориса Незлобина	43
Не судьба	44
Старушкѣ-мамѣ	59
Съ запудомъ	61
Степь	69
Кубанская старина	71
Казаку	80
Степи	81
На постояломъ дворѣ	84
Тѣни прошлаго	92
На берегахъ Дона	94
Въ станицѣ передъ большевиками	106

